

Юный Натуралист

ISSN 0205-5767

1997

2

ЗАВСЕГДАТАИ ПОЛЯРНЫХ ПЛЯЖЕЙ

Ластоногие, как известно, морские и океанические млекопитающие, именуемые еще и вторичными зверями. Они прошли долгий путь превращения сугубо сухопутных животных в морских, во многом до сих пор загадочный.

В этом отряде три семейства: ушастые тюлени, или нерпухи, безухие тюлени и моржи. Последнее семейство состоит из единственного вида, но замечательно интересного и своеобразного. К сожалению, он до сих пор еще слабовато изучен. О нем даже в научно-популярных очерках и рассказах редко когда пишется, а зря: даже то, что уже стало о нем известно, право же, стоит пристального внимания.

Что же это за диковинный зверь, которого местные охотники зовут то морским конем, то морским быком — самое крупное ластоногое Северного полушария? Или истинно морское чудище?

Начнем с его эскизного портрета. Эта громадина достигает трех-четырех метров в длину и поболее полутора тонн весом. А в объёме сие, несомненно, очень грузное животное редко больше, чем в длину.

Самки размерами мельче и постройнее: самые крупные вырастают до 335 сантиметров и не набирают веса более тонны.

Это на лежбище, разоспавшись и разогрвшись на солнце, морж толст и неук-

**Юный
Натуралист**

1997

Научно-популярный иллюстрированный детский и юношеский журнал.

Выходит один раз в месяц.

Журнал основан в 1928 году.

2

люж до несурзости, в воде же он красивее и стройнее, к тому же намного проворнее. Лодку может догнать играючи, занырнуть на десяток минут, а громаде белому медведю от свирепой атаки моржа благоразумнее всего ретироваться, что он чаще всего и делает. Уходит искать тюленей, с коими справляется без риска для жизни.

Небезынтересно познакомиться, как описывали моряки и путешественники восточных, доселе не виданных ими животных «вида дьявольского»: «Устрашающе сверкали налитые кровью глаза на уродливо-сморщенной морде...», «Грозные, ослепительно белые клыки, торчащие с верхней губы с жесткой щетинистой бородой, густой, как стерня... При каждом движении громадного тела странным образом шевелились толстые складки ржаво-коричневой шкуры».

У моржа две пары лап, причем задние мощные. В расправленном состоянии они достигают почти метровой ширины — это его главные движители. Как хвост у кита или дельфина. Передние же — помельче, они приспособлены больше для балансировки, придерживания детенышей и при передвижении по тверди. Плавает морж, резко отталкиваясь задними лапами, со скоростью 10—12 километров в час.

Но самое примечательное у нашего героя — пара огромных бивней. У зрелых самцов они вырастают до полуметра, даже 60 сантиметров, а у «рекордсменов» — до 90 сантиметров в длину и четверти метра в окружности основания. Как у слона.

Это не украшение, а орудие труда и оружие защиты, приспособление для взбирания из воды на лед. Сила удара бивнями такова, что продырявленная лодка, бывало, шла на дно.

Морж отважен и при неуважительном к себе отношении быстро приходит в ярость. Но он опасен для человека и тем, что его шкура толщиной в три-четыре, до пяти сантиметров непробиваема, кости же крепче рельса.

Моржовая голова внушает ужас и удивление лишь с первого взгляда, просто другой такой ни у кого нет. Она относительно тела небольшая, ушные раковины отсутствуют, глаза расположены высоко, а разведены широко. Морда короткая и очень широкая, верхняя губа сплошь в «моржовых усах» — очень толстых, густых, жестких, числом до четырехсот с

каждой стороны, расположенных в 13—14 рядов. Каждый ус имеет длину 10—12 сантиметров, до двух миллиметров в основании. Такой «щеткой» запросто сдерешь солидный кусок шкуры даже с неосторожного или самонадеянного медведя... Истинную роль этих усов, как и вибрисс других млекопитающих, особенно хищных, мы по-настоящему еще не poznали.

А вот кожа у животного почти голая, даже с пролысынами. Это у взрослых. Шерсть рыжевато-соломенная или серая. На «пляжах» кожа розовеет и даже краснеет.

Мы уже говорили о толстой и непрочнейшей шкуре моржа. На груди и шее она наиболее толстая. У зрелых животных передняя часть богатырского тела в сплошных шишкообразных бородавчатых утолщениях. Лишь новорожденные в густом серебристо-сером мехе, но они уже имеют толстую складчатую кожу.

Моржи очень «говорливы». В стане, кажется, каждый рассказывает о своем и все сливается в сплошной шум. Иногда создается мнение, что морж сам себя слушает. Обычный же голос его трудно описать: это что-то среднее между мычанием коровы и грубым лаем большой собаки. Он глубокий и полноточен и таит в себе некую загадку.

Но если посидеть в засаде около нескольких моржей, скажем, у семьи, можно выделить особые звуки: и похожий на колокольный звон, и оригинальное ржание, будто конское, и громоподобный рев, и трубный зов. А еще они посвистывают, беззлобно ворчат, отрывисто лают, фыркают. И даже стонут! Трубят, как киты! А ведь каждый звук обозначает нечто конкретное, он несет сородичам определенную информацию. Мы об этом пока почти ничего не знаем. Обидно за этого зверя: он ведь тоже весьма сообразителен, внимания же ему во сто крат меньше, чем дельфинам или косаткам-убийцам.

Где же он живет, этот удивительный «земноводный» зверь? Он же морской конь. И морским быком за бычье мычание его тоже зовут. Встречается круглолярно — от Баренцева до Берингова моря, от Гренландии до Прибыловых островов. Однако осваивает он только кормовые мелководья севернее границы паковых льдов — не более стометровой глубины. Потому так, что основной корм этого громады — моллюски-«ракушки», а быть

под водой более 10—12 минут ему не дано.

И потому же в глубинных районах Центральной Арктики — под полярной ледяной шапкой — моржи очень редки. Да и одиночек можно встретить лишь на плавающих льдах в коротком разгаре арктического лета.

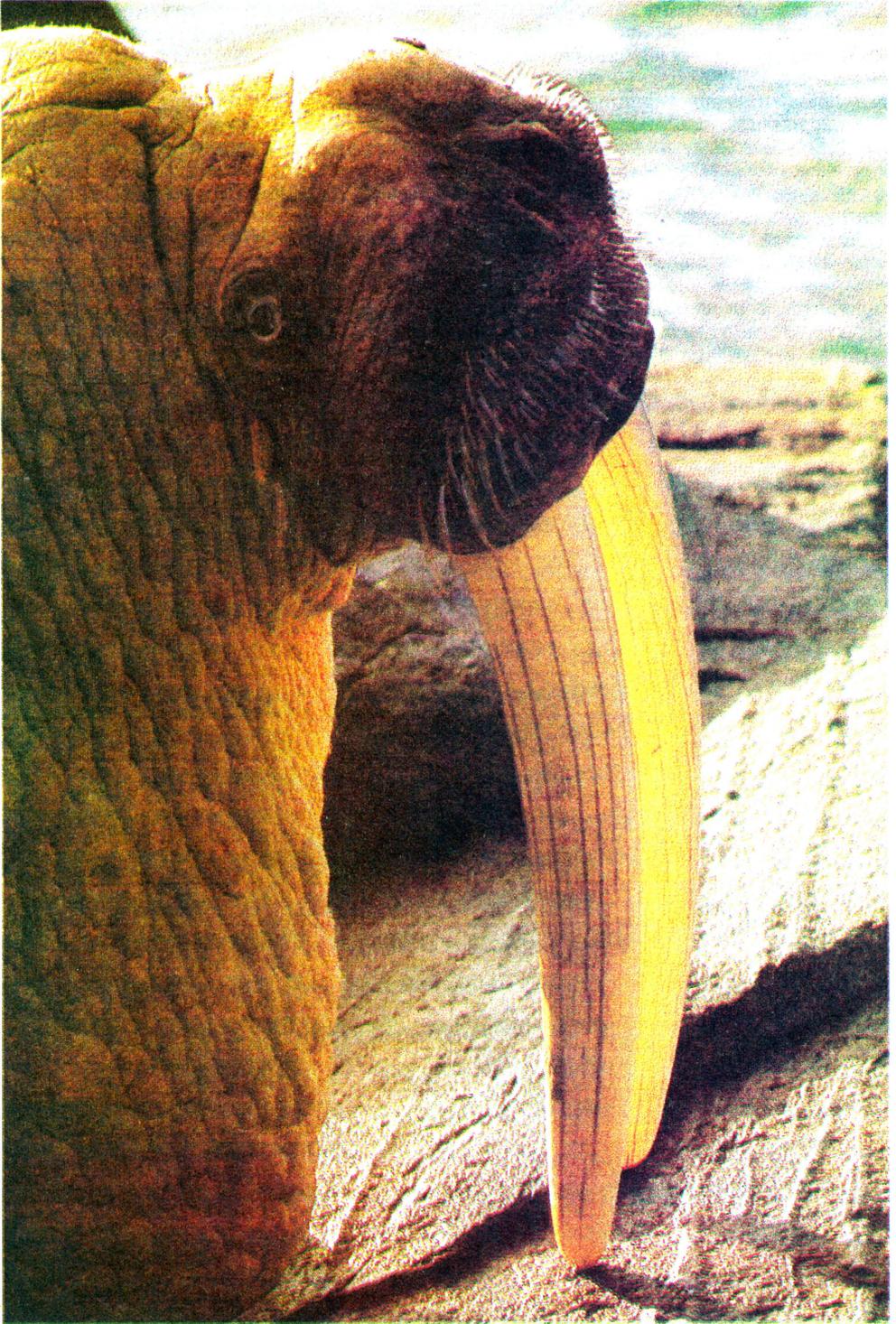
«Фамильный» харч моржа составляют мидии, брюхоногие моллюски, устрицы.

Ест морж и кольчатых червей, морских ежей и огурцов, звезд, креветок, раков-отшельников. Даже водорослями не гнушается. Как видно, снесь не ахти как богатая, даже с учетом мидий и устриц.

Все дело в том, что у моржа великолепное пищеварение, и все съеденное проходит желудочно-кишечный тракт с поразительной быстротой.

Основная масса мидий живет на 40—80-метровых отмелях, брюхоногие моллюски — на глубинах от пяти до 30 метров. Многие из них закапываются в песок. И потому хлеб свой насыщенный морж добывает трудно. Надо глубоко нырять, потом «пахать» грунт бивнями, стараясь выковырнуть из него как можно больше всякой живности. Затем собрать съедобное в оригинальные «горловые» мешки, связанные с пищеводом, и после-

шить наверх за новой порцией воздуха.

Бивни у моржа растут всю жизнь и в то же время за год стираются на три-четыре сантиметра. Наиболее длинные они в 25-летнем возрасте, потом же неумолимо стираются и укорачиваются. У стариков остаются одни пеньки, с ними какая же «пахота», а стало быть, и жизнь.

Теперь другая проблема. Если в стаде тысяча моржей, каждый из которых за «нырок» собирает тысячу ракушек... За десяток минут исчезает миллион их? Да никакая плодовитость не выдержит такого. И потому-то в значительной мере моржи кочуют и мигрируют: зимуют в южных пределах плавучих льдов, на лето же уплывают в северные, недавно оттаявшие моря. Для полноты жизни им нужны места для лежбищ — земля или льды рядом с ракушечными мелководьями. И, конечно, покой, который они давно потеряли.

Детеныши появляются очень дружно, чаще всего на чистых льдинах — моржи ведь тоже знают толк в гигиене! Весною — чтоб успеть малышам до зимы окрепнуть и освоить азы моржовой жизни. А дарит миру этакое прелестное создание моржиха раз в три-четыре года и «ставит на ноги своя» сама, без отцовской помощи.

Новорожденный весит 45—64 килограмма, в длину же имеет 90—120 сантиметров. Примерно со взрослую кольчатую нерпу. Серебристо-серым мехом прелестной шубки жизнь радует его всего-то месяц, потом он покрывается редкой бурой шерстью.

Долго растет молодой морж, достигая взрослости лишь в пять-шесть лет, хотя их ровесницы начинают невеститься на пару лет раньше. Срок жизни моржам отпущен природой в 30—35 лет, предел же старости — 43 года. Разумеется, не все ее достигают.

Брачная пора длится два месяца — с середины апреля по середину июня. Это немного позже массового деторождения. Беременность 330—370 дней, да еще год мать кормит дитя свое молоком. Потом приучает жить только собственным трудом и умением. И потому-то так редко приносит моржиха детенышей, причем двойни скорее исключение, все больше по одному.

Роды проходят легко. Новорожденный сразу же чувствует себя в воде как дома. Мать его заботливо моет, но бывает и такое — сбрасывает ластами в воду: знает

ведь, что не утонет, а только поплавает с жалобным плачем и вылезет на лед или пляж. А через одну-две недели детеныш в воде сам ловок, уже учится нырять и добывать харч свой.

Но он еще долго плавает у матери на спине или загривке, крепко уцепившись за нее ластами. Да и та его любовно придерживает. При опасности одним ластом «страхует», другим же помогает грести задним лапам. И все время прикрывает от опасности. Даже двухлеток, в котором уже до двух метров длины да поболее трех центнеров веса, остается под полной защитой и заботой.

И так же, верхом на матери, малыши совершают вместе со взрослыми миграции, причем длиной до полутысячи миль. В три года молодые моржи начинают вести самостоятельную жизнь. Они солидны в размерах и уже всему научены, а потому умеют жить без посторонней помощи, к тому же знают назубок все законы очень непростого моржового бытия.

Все моржи живут по принципу: «один за всех и все за одного»: спасают раненого, отвлекая врага на себя и стремясь несчастного столкнуть в воду. Они в дружной сплоченности дают отпор не только белому медведю, но и косатке-убийце. Могучие самцы спасают попавших в беду самок. В коллективной обороне даже моржата атакуют врага: известно немало случаев, когда они, не отразив еще бивней, стремились головой разбить днище лодки. И ведь разбивали!

Если окажутся загарпуненными два самца, один старается спасти другого. Когда лодка преследует раненого моржа, его сотоварищи становятся нападающими. Убитых поддерживают на плаву до последней возможности. Такая же самоотверженная взаимопомощь, как у слонов или дельфинов: интеллект и милосердие — рядом.

Большинство моржей линяет на летних залежках. В это время они мало едят, потому что нет в этом особой необходимости: солнышко припекает, жир помаленьку расходует. Ведь моржи тоже не лишены желания понежиться, позагорать и просто ничего не делать.

Далеко не всякий «пляж» или с виду удобный берег они избирают для своих залежек, а почему — только им известно. Есть залежки с далеко расположенными «пастищами», бывает и такое, что и

место для солнечных ванн прекрасно, и «стол» — вот, ан нет: моржи его упорно игнорируют.

Линяет наше чудо морское 10—14 дней. Первыми меняют свою шубу молодые, а все стадо пребывает на месте льинки до трех месяцев. На сушу чаще всего выходят с апреля по декабрь, хотя такие выходы бывают в виде исключения круглый год. Шторм переживают в море: вероятно, берегут глаза от песка. Тогда же и подкармливаются, чтобы не тратить время попусту. А вообще эти звери настолько жирны, что могут провалиться на своем «пляже» все лето, лишь бы им никто не мешал, как никому не мешают они.

Спят крепко и кто как: на спине или животе, на боку или «крутяке». Да так крепко, что иной раз и на подошедшего человека ноль внимания. И не реагируют, когда одному прямо на голову уложит животище другой и тут же захрапит.

Скажем еще раз: моржи — животные стадные. Но вот на залежку прибывает сначала один, за ним другой исползает мостится рядом, третий. Потом здесь появляются холостяки, яловые и детные самки. Нечто подобное нам известно из рассказов о жизни морских котиков.

Драки у моржей бывают чаще всего за право оставить потомство, но тупоконечные бивни редко наносят смертельные раны. Скорее всего ревнивцы устраивают своего рода турнирные поединки ради выявления более мощного. И не нужно забывать, что иерархическая лестница в моржовых стадах просто необходима, ибо какой же порядок без нее в жизни большого сообщества!

В конце августа моржи из Чукотского моря, например, сначала переселяются на береговые залежки острова Врангеля и Сибирского материка, а с появлением льдов, особенно мощных дрейфующих, стада мигрируют в Берингово море. И усиленно нагуливают тело. Особенно любят они попутные льды, и в первую очередь — самки с потомством.

Весь холодный период года моржи живут в широком поясе битого льда, опоясывающего с юга сплошные ледяные поля. Но в чистый от льдов океан не уходят: там им тоже нет жизни.

Бывает, жестокий мороз скует-спечет лед... И тогда моржи группами пробивают во льду лунки диаметром до трех-четырёх метров и поддерживают их от-

крытыми до лучших времен. Нетолстый лед морж способен пробить снизу головой или клыками.

...Лежбище чувствуется за несколько километров: разногололье, шевеление огромных тел, запахи всякие, особенно продуктов жизнедеятельности. Больше всего моржей лежит поближе к кромке воды, в полосе 50—100 метров. Пар над ними клубится. Одни уходят в воду, другие вылезают и непременно прут в самую гущу, словно свободного места им мало.

Очень осторожные звери моржи и в то же время бывают просто беспечными. Осваивая лежбища, они ежесекундно на чеку, а через неделю по ним хоть ходи. А вот в воде всегда бдительны, словно вот-вот на них набросятся косатки-убийцы.

Правда, в иных регионах моржи уже всегда бдительны и даже выставляют сторожей, которые «правят службу» ревностно, а при виде человека немедленно поднимают тревогу. И тут, со сна ничего не понимая, в стаде появляется паническая толкотня... По-моему, морж достаточно храбр и могуч и вряд ли боится так кого-либо, как человека. Почему же? Да потому, что усвоил, кто есть кто на нашей многострадальной и очень беспокойной планете.

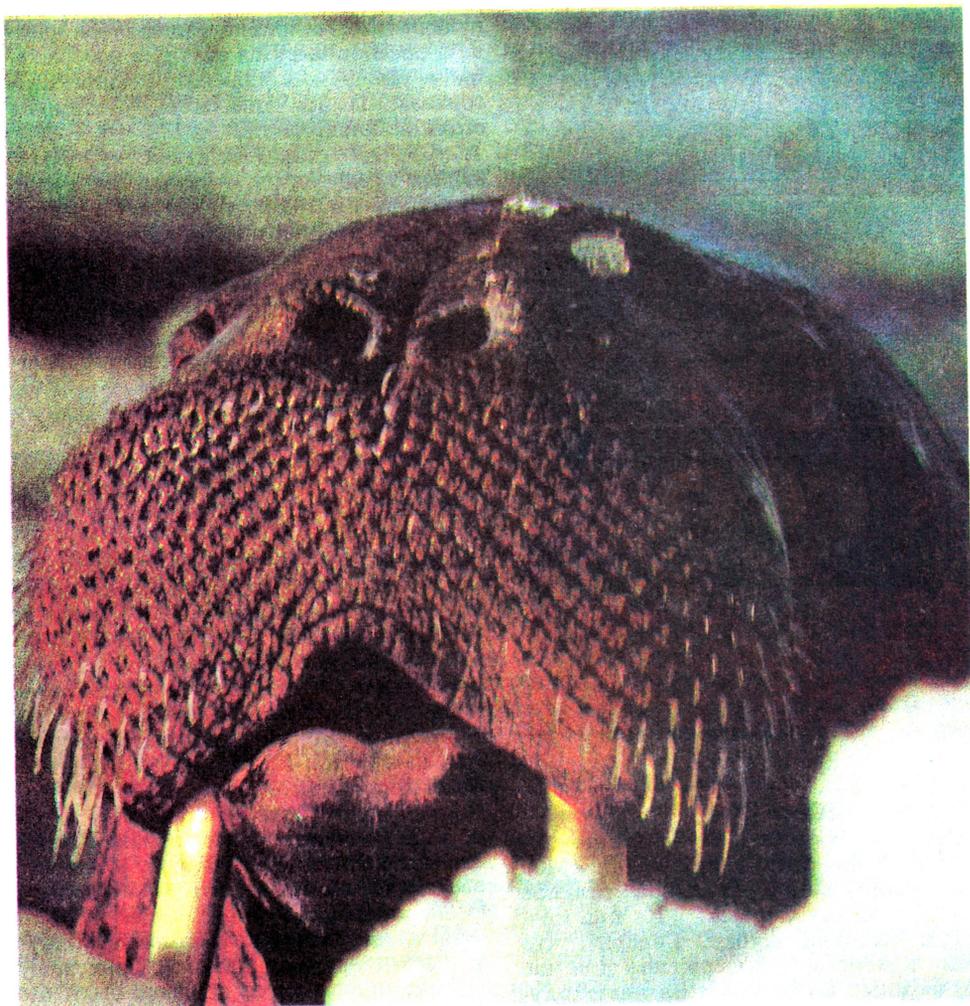
Еще такая странность. Такими тесными кучами залегают, так жмутся друг к другу, а вот единства действий все же маловато.

Из органов чувств у моржа более всего развито обоняние. Глаза очень подвижны, подняты высоко и разведены широко, но видят они гораздо хуже человека. И слух не ахти как остр.

Если их не провоцировать и не злить, они миролюбивы до пугливости. Когда плывут стадом по своим делам — на лодку ноль внимания. Иногда и любопытствуют: подплывают к шлюпам, вельботам и лодкам в упор и даже заглядывают: кто в них и зачем?

А вот раненого моржа эскимосы не зря считают самым опасным зверем. Объединившись и обозлившись на врага, моржи атакуют всем скопом и решительно. Бывало, лодки разносили вдребезги, а пловцов губили. Вообще чувство мести у моржа не отнять.

Люди успели стать давними врагами моржа, но есть враги и «постарее». Киты-косатки, например. Сильные, смелые, проворные и беспощадные убийцы. Ухва-

тив моржа за губы, косатка утащит его под воду и съест без отходов. Но далеко не всегда ей это удается, потому что умеет морж встретить врага «грудью».

Морж дает не менее ценную продукцию, чем киты, и потому человек охотился на него тысячелетиями. Использовалось все: жир, мясо, шкура, бивни. Крепчайшая кожа шла на обтяжку каркасов каяков, ею же устилали полы жилищ. Из бивней мастерили различные поделки — от украшений и ножен до иглолок и наконечников копий и гарпунов.

Пять веков назад моржей было очень много. Их можно было увидеть едва ли не в любом регионе Заполярья летом и в Приполярье зимой.

Теперь, после столетий варварского истребления, ряды моржей многократно поредели. Взять, например, лаптевского представителя рода. Еще в 1907 году на острове Бегичева берега были усеяны моржами так густо, что и прутик между отдыхающими богатырями воткнуть было невозможно. Многотысячные стада усеивали и другие острова моря Лаптевых. Теперь же уцелела сотня-другая там, столько же много дальше... И, потому-то лаптевская форма моржа была включена в Красную книгу.

За охрану моржа взялись всем миром.

С. КУЧЕРЕНКО,
кандидат биологических наук

Рис. В. Бухарева

Дорогие ребята!

Письмецо Сергея Голубева прилетело к нам из Алтайского края. «Моя мама носит зимой красивое голубое пальто,— пишет Сережа.— Но она мечтает о меховой шубке. Говорит, что самые красивые и совершенно для нас недоступные шубы шьют из меха голубой рыси. И я хочу узнать, где живет такая необыкновенная рысь?»

Дорогой Сережа! Эта рысь приспособлена к суровому климату и обитает в таежных лесах Зауралья и Камчатки. Зоологи относят ее к особой форме рыси. Ее нежно-белая шкурка с темными пятнами излучает на брюшке голубоватое сияние, исходящее от густой подпуши. Голубая рысь стала редкой в природе. Ее необходимо охранять и спасать. О том, что в этом направлении предпринимают охотоведы, рассказывает Алексей Дмитриевич Дитерихс.

ГОЛУБАЯ РЫСЬ

В живописном уголке Подмосковья, в окрестностях города Балашихи, раски-

нулся совхоз «Салтыковский». При въезде в поселок высится стела с изображением рыси, и я спросил у директора совхоза, за что этот зверь удостоился столь высокой чести?

— Рысь стала визитной карточкой нашего предприятия, — сказал Александр Викторович Сайдинов. — Наше хозяйство — единственное в мире, которое содержит и разводит в клетках дикую голубую кошечку. Только у нас есть рысья ферма.

— Неужели в других странах нет подобного опыта?

— В 1980 году заниматься этим пытались в Канаде, но у них ничего не вышло, и они отказались от этой затеи. Почему мы занимаемся этим делом? Одна из главных и очень важных государственных причин — сохранение популяции голубой рыси, ставшей редкой в дикой природе.

Дело в том, что шкурка голубой рыси всегда была в большой цене. У нее длинный — до 6 сантиметров — густой и пышный волосной покров с необычайно красивым оттенком подпуши на брюшке: голубоватым, а летом — голубовато-серебристым, серебристо-золотистым или коричневатым. Зверей хищнически истребляют из-за меха. Из него на Западе шьют самые дорогие манто.

Мясо зверя также ценится очень высоко. Еще в средневековой Германии охотник, добывший рысь, шкурку оставлял себе, а мясо обязан был отдать владельцу земли, на которой обитал зверь.

Но в «Салтыковском» рысь не убивают, зверей продают живыми. Возможно, выделка шкурки и ее продажа были бы несравненно выгодней, но не для этого разводят в совхозе редкую дикую кошку. Прекрасных животных приобретают зоопарки, зверинцы, киностудии. Продают голубую рысь и за границу.

Это грациозное благородное животное относится к роду мелких кошек. Хотя какая же она мелкая? Самочка весит до 30 килограммов, а самчик — до 40!

А ходит такая кошечка совершенно бесшумно. И чутко улавливает все лесные звуки, слышит движение любого зверя. Любимая ее добыча — заяц! Шорохи кормящегося зайца, который грызет иву или осину, кошка слышит метров за пятьдесят и с расстояния около двадцати метров совершает энергичный бросок.

Сама рысь практически не имеет врагов в природе. (Кроме человека; разуме-

ется.) Правда, ее часто преследуют волки. Не в одиночку, а стаями, потому что одному или даже двум волкам рысь может дать достойный отпор. Поскольку рысь не обитает на открытой местности, а только в лесу, волкам преследовать ее чрезвычайно трудно: она легко взбирается на дерево, откуда им ее не достать.

Мы с Александром Викторовичем идем на рысиную ферму. Сейчас, летом, у самочек народились котята, и мамы вместе с ними находятся в домиках внутри клеток.

— А как рысь чувствует себя в клетке? — спрашиваю я.

— Рысь — умное животное. И очень бережет свои зубы, когти и лапы. Она никогда не бросается с силой на сетку, хотя, возможно, смогла бы порвать ее. Звери ведут себя совсем не агрессивно по отношению друг к другу. В период шенения беременную самочку можно перегонять через клетку другой самки — и ничего, все обходится мирно.

Рысь — заботливая мать, очень любит детенышей и много с ними играет. Нежно мурлыкая, кошки любят бодаться головами — и самочки, и самцы, и особенно котята.

Чем же кормят рысей на ферме? Дают субпродукты, пшеничную и ячменную каши, яблоки, обезжиренный творог, обрват, витамины.

В «Салтыковском» содержится около 50 взрослых голубых рысей, из которых двадцать самок приносят приплод. Гон у рыси проходит в феврале — марте. Примерно через 70 дней, к началу лета, у

самочки рождаются от двух до четырех котят. Малыши почти год, до следующего марта, находятся с матерью.

В зверосовхозе «Салтыковский» рады серьезным предпринимателям и идут навстречу в приобретении редкого, очень красивого и благородного животного.

Володя Великанов пишет: «У меня в клетке живут и красиво поют щеглы. Но мои птицы — обыкновенные. Говорят, намного лучше поет седоголовый щегол. Где он обитает?»

Дорогой Володя! Седоголовый щегол любит горы, обитает в Средней Азии, на Алтае, в Афганистане, в Северо-Восточной Индии. О нем рассказывает биолог Алексей Петрович Синецкий.

БОЙКИЕ, ГОВОРЛИВЫЕ И ЧУТЬ СВАРЛИВЫЕ

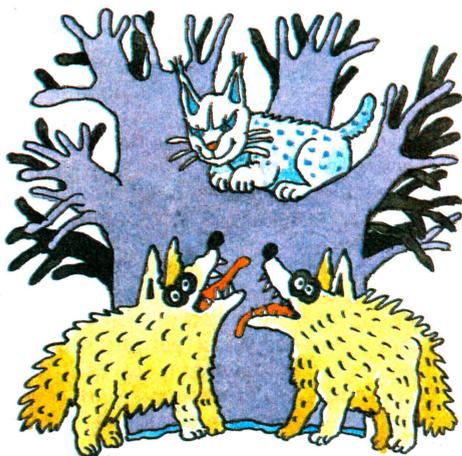
Наш УАЗик мчится по прекрасной дороге Ташкент — Алмалык. По обе стороны — покрытые альми маками предгорья Западного Тянь-Шаня. Неповторима весенняя красота полустепей Средней Азии!

Я наблюдаю за птицами, сидящими на проводах вдоль дороги. Вот пара характерных для Средней Азии желтых овсянок, а вот небольшой соколик-пустельга, пытается удержаться, балансирует на проволоке.

Въезжаю в горную полупустыню Курминского хребта. Вокруг унылые безлесные склоны, покрытые кустами полыни. Лишь цветущий дикий миндаль украшает эти места. Оживил пейзаж и внезапно появившийся из-за гребня крупный гриф-гянтник. Распластав могучие крылья, хищник планирует вдоль склона.

Останавливаемся у небольшой горной речки. Вдоль русла — пирамидальные тополя, небольшие огороды, оконтуренные тузовыми деревьями, зарослями колючей кузинии и чертополоха. Их семена — излюбленная пища седоголового щегла. Но где же птицы?

Тут мое внимание привлекли кусты кузинии. Полное безветрие, а засохшие прошлогодние колючие стебли шевелятся. Навожу бинокль и вижу стаю сероватых небольших птичек. Они деловито, сноровисто извлекают лакомые семена. Вот они, долгожданные седоголовые щеглы!

Запомнилась мне еще одна неожиданная встреча с этой птицей, но уже зимой.

Поднимался я по бесконечной каменной лестнице из зеленого амазонитового гранита на верхнюю площадку высотной плотины Медео близ Алма-Аты. Вдруг, обернувшись, совсем рядом, чуть ниже себя, увидел стаю седоголовых. Я был очень поражен необычайной картиной: яркие птицы порхали буквально подо мной, а еще ниже, чуть прикрытый снежной мглой, поблескивал каток Медео.

За щеглами наблюдал не только я. На дуге светильника сидел, поджав ноги, скворец майна и, смешно покрывая, глядел то на меня, то на щеглов. Наверное, ему тоже нравилась эта впечатляющая картина.

Седоголовый щегол покрупнее нашего европейского. Посветлей. И не имеет на голове черных перьев. Клюв у птицы большой, крепкий, с атласно-красным круговым пятном. Крылья черные, с желтыми «погончиками». И — черный с белыми крапинками хвост. Песня звучная, с трелями и переливами, заимствованными у коноплянки, с которой осенью и зимой щегол образует большие смешанные стаи.

Встречаются среди щеглов особи со значительными вариациями и отклонениями в окраске. У меня дома жили в клетке два таких щегла: один почти белый, а второй черный. Необычная окраска связана с отсутствием или избытком в организме красящего вещества — меланина. Ну а так щеглы как щеглы: бойкие, говорливые, чуть сварливые.

А сейчас мы узнаем, чем взволнован Женя Виноградов: «В нашем поселке пошла мода на лошадей. И мой папа купил коня. Его зовут Ветерок. Он безоговорочно слушается папу, мчится изо всех сил, только ветер свистит в ушах. Зато Ветерок совершенно не подчиняется мне. Сяду я верхом, он пробежит шагов сто и останавливается. Стоит — и ни с места. Что вы мне посоветуете?»

Дорогой Женя! Некоторые знатоки лошадей утверждают, что упрямого коня можно переупрямить. Само собой разумеется, что при этом необходимо терпение. Об этом рассказывает Анна Васильевна Демидова.

КАК СЕРКО ПРИРУЧИЛИ

Эту историю мне поведал очень опытный зоотехник Георгий Абросимович Чернов. Он работал в крупном совхозе, когда в хозяйстве было много лошадей.

— Что мне делать с Серко? — жаловался зоотехнику молодой конюх Митя. — Ленивый, упрямый конь.

Рослый серый конь спокойно переживал в это время овес и посматривал на нас, словно понимая, что речь идет о нем.

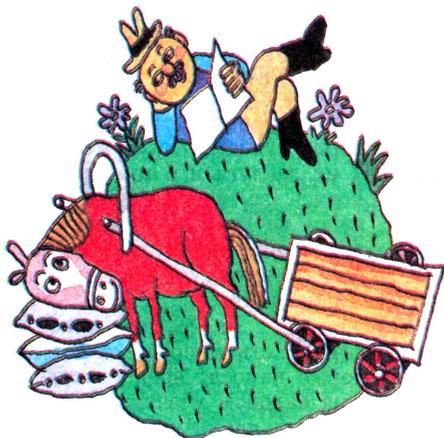
Конь сильный, здоровый. Почему бы ему не работать? Так нет! Запрягут его в дрожки или в телегу — сначала он идет ходко, легко. Вдруг ни с того ни с сего остановится посреди дороги, начинает головой крутить, ногами топтать — и ни с места. Ездок его уговаривает; за повод тянет, кнутом стегнет — ничего не помогает. Бьется, бьется бедный ездок, да делать нечего — поворачивает коня назад.

А Серко только этого и надо. С радостью бежит в поселок, к конюшне.

На норовистом коне никто не стал ездить. Он ел овес, от безделья разжирел и совсем разленился.

Посоветовались Митя с зоотехником и решили рассчитаться с упрямым, сдать его на мясо.

Услыхал об этом старик Фомич. Он многие годы работал конюхом. И хотя был уже давно на пенсии, дома ему не сиделось. Нет-нет да и заглянет на конюшню: то коня почистит, то двор подмести поможет. А то просто сидит в углу двора на колоде и в нужный момент дельный совет даст.

Помнил старик Серко молодым жеребчиком, резвым и послушным. Жаль ему стало коня.

— Худо делаешь, зоотехник, — сказал Фомич. — Конь еще сильный, крепкий. Попробуй, отучи его!

— Что толку, — заметил Митя. — Сильный и здоровый, а стал нахлебником!

— Попытаюсь отучить, — неожиданно отвечал Фомич. — Запрягай!

Мгновение Митя стоял в нерешительности. Потом надел на коня уздечку, принес сбрую — и через несколько минут Серко был запряжен.

Фомич сел на дрожки, подобрал вожжи, тронул коня.

Дорога шла полями. Серко бежал легко и весело. Вдруг без всякой причины остановился. Стоит, на седока косится: что будешь делать?

Фомич спокойно слез с дрожек, привязал вожжи, прошел немного вперед и уселся под деревом. Достал из кармана газету. Сидит читает, а сам незаметно на коня поглядывает.

Серко постоял, постоял, переступил с ноги на ногу и решил, видимо, вздремнуть. Солнышко стало припекать, налетели назойливые слепни, жужжат, кусаются.

Надоело упрямому коню стоять, тряхнул он головой, решительно тронулся шагом. Этого и ждал наш Фомич. Вскочил он сзади на дрожки. Поехали дальше. Конь, пробежав несколько километров, снова встал. А Фомич слез с дрожек, прилег на обочине дороги. Терпения у старого конюха было много, куда больше,

чем у коня лени. Простояв с полчаса, Серко не выдержал, снова пошел. И Фомич не прозевал, вовремя вскочил на дрожки.

Больше конь не останавливался. А Фомич, объехав большой круг, вернулся на конюшню. На второй и на третий день запрягал Фомич Серко и уезжал в поле. Если Серко останавливался, старый конюх терпеливо ждал, когда коню надоест стоять неподвижно. Так продолжалось дней десять. Постепенно Серко оставил свою дурную привычку и стал исправным рабочим конем.

Посмотрим, чем обеспокоен Игорь Дементьев: «Один раз мы с Лидой поймали на дубу красивого зеленого жука. Наша мама сказала нам, что это жужелица-красотел. А я-то считал, что все жужелицы черные...»

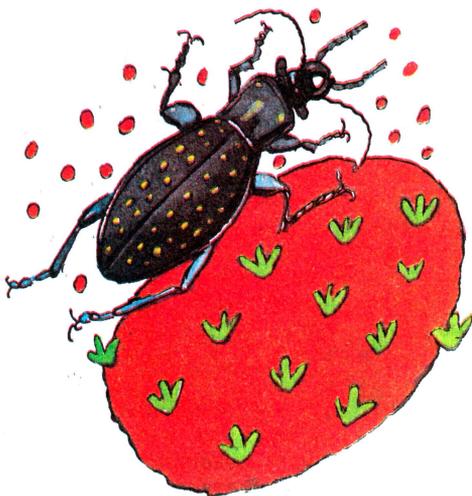
Дорогой Игорь! Большинство жужелиц и в самом деле черные. Но в этом семействе очень много видов, около 25 тысяч! Разноцветные красотелы, выделенные зоологами в особый род, тоже входят в семейство жужелиц. Среди них встречаются не только зеленые, но и красные, красновато-бронзовые с красивым металлическим блеском. О разнообразии жужелиц рассказывает Васильева Васильевна Фомичева.

ПОЗОВИТЕ ЖУЖЕЛИЦУ В ГОСТИ!

Блестящий черный жук торопливо мчит по грядке, ловко обегая камешки, бугорки, кустики петрушки. Стремительный бег — дело для жужелицы привычное. Ее крепкие, неутомимые лапки натренированы, как у настоящего спортсмена. Это позволяет жуку обследовать большую территорию и всегда находить съедобных моллюсков, личинок, букашек.

Чтобы рассмотреть жужелицу, надо ее поймать. Ведь жук всегда в движении — спешит вперед и вперед. Иначе нельзя. Намеченная жертва тоже нередко умеет хорошо бегать, а потому бежать надо еще быстрее. Да и враги не дремлют. Жужелицу может склевать птица, проглотить змея, лягушка.

Эти симпатичные проворные жуки — размером от 1,5 миллиметра до 9 сантиметров — обитают почти всюду на нашей планете — от Арктики до тропиков. Боль-

шинство видов приспособлены к умеренному климату, где наилучшим способом находят себе пищу и ловко спасаются от врагов.

Разноцветные красотелы промышляют обычно на стволах и ветках широколиственных деревьев и кустарников, а черные виды жужелицы охотятся на земле, торопливо снуют туда-сюда на лесной подстилке, пашне, лугу.

Встречаются жужелицы и в пустыне. Днем, в нестерпимую жару, отсиживаются в укрытиях, а когда солнце опускается к западу, когда жара немного спадает и песок начинает остывать, жуки выбегают на поверхность. Вот выпрыгнул из норки скакун. Его лапки особенно хорошо работают на сыпучем песке, где многие другие насекомые вязнут и утопают. Отталкиваясь длинными прыгательными ногами, жук мгновенно перемещается на расстояние, во много раз превышающее собственное тело. Удрать от такого прыгуна довольно трудно. Нагнав жертву, скакун хватает ее серповидными челюстями и крепко сжимает. Охота удалась! Теперь можно оттащить добычу за бугорок, удобно расположиться и спокойно пообедать.

Можно увидеть жужелицы и высоко в горах. Горные жуки, пожалуй, самые красивые. Стройные и разноцветные: синие, голубые, зеленые, бронзовые.

Зоологи причисляют жужелицы к союзникам человека. Всю жизнь жуки работают на нас, хотя их бескорыстную помощь мы чаще всего не замечаем.

Что за помощь? В чем она заключается?

Все мы знаем, что человек никогда не смог бы сеять хлеб, сажать овощи, выращивать фруктовые деревья, если бы не было на земле плодородного слоя почвы. Так вот, в создании этого плодородного слоя активно участвуют жужелицы. Не меньшая их заслуга и в том, что, постоянно охотясь за вредителями полей и садов, жуки не дают им чрезмерно размножаться. В огороде жужелицы во множестве уничтожают моллюсков, гусениц капустной белянки.

Конечно же, не бывает правил без исключения. Есть и среди жужелицы такие, которые наносят вред земледелию.

Если на садовом участке не сыпать и не лить в почву ядохимикаты, жужелицы размножаются в большом количестве и незаметно для нашего глаза делают свое благородное дело — сохраняют урожай. Позовите жужелицу в гости!

Лена Лебедева из Москвы написала нам: «На уроке природоведения учительница дала нам задание — описать приметы весны. А мне стало интересно, как же на Руси примечали, что вот-вот наступит теплая пора? Расскажите, пожалуйста».

Вот что поведала нам об этом Галина Сергеевна Куликова.

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Середина февраля. Зима на исходе.

Рассказывали, что в эти дни от деревни к деревне, от села к селу разъезжает на белом коне молодец-красавец. Про-

мчится мимо — только его и видели: спешит он, торопится на подмогу Весне: собирает в это время по деревьям и селам стайки светозарных птиц и у каждой околицы оставляет по птице цвета солнца и каждой из них дает такой наказ: первую весеннюю песню запевать и солнце яркое славить. Очень надеялся Ярило на своих овсяночек-весняночек. Их-то, по народному поверью, он и высматривает, чтобы собрать свою необычную свиту и указать путь-дорогу Весне.

Есть своя свита и у старухи Зимы: из далеких северных краев вместе с первым снегом и холодами гонит она птиц-зимников. Немногие птицы остаются зимовать в своих родных краях, куда прилетают гости с севера, а овсяночки-весняночки, оставшиеся встречать Зиму, будто хоронятся от сварливой хозяйки.

«Зинь-зинь-зинь-зинь-зии... Зинь-зинь-зинь-зинь-зии...» — раздается со всех деревенских окраин. Прислушиваются мужики — не им ли напоминание какое? А овсянка опять за свое: «Зинь-зинь-зинь-зинь-зии... Зинь-зинь-зинь-зинь-зии...» А мужику и слышится: «Покинь сани, возьми воз... Покинь сани, возьми воз...» Что уж тут раздумывать, коли весна во дворе? Пора скоро сани убирать, да телегу выкатывать — к весне готовить.

И у бабонек в эти дни были свои заботы. Выпекали они поутру в печи вкусные овсяники — пирожки из овсяной муки, специально припасенной на этот случай. Ребятишкам овсянички особенно нравились, но не забывали они и птицам хлебushка покрошить: изголодались пернатые за долгую холодную зиму. Ведь и в родных краях покормиться вдосталь зимой нечем, если только у хозяйского двора, куда лошадей заводят да где овес рассыпан, или возле гумна да у старого амбара? Подберут овсяночки каждое зернышко, поэтому всю зиму и держатся эти зерноядные птицы вблизи деревень, у человеческого жилья да хозяйских подворий. Хозяйскому зерну счет не ведут, а рассыпанное все до зернышка птички подберут по-хозяйски. И на улицах деревенских, и на дорогах.

Только и зимаья пора недолговечна. С каждым днем все ярче пригревает солнце, и постепенно стайки кочующих в поисках корма зимующих птиц распадаются. И в один из теплых солнечных дней однажды утром возле дома ты вдруг услышишь первую незатейливую песню желтогрудо-

го самца обыкновенной овсянки. А может быть, увидишь и красавца Ярилу, промчавшегося мимо на своем белом коне и отдающего свой последний наказ птице цвета солнца?

Вот и конец нашего февральского заседания. Предлагаю вам новые вопросы.

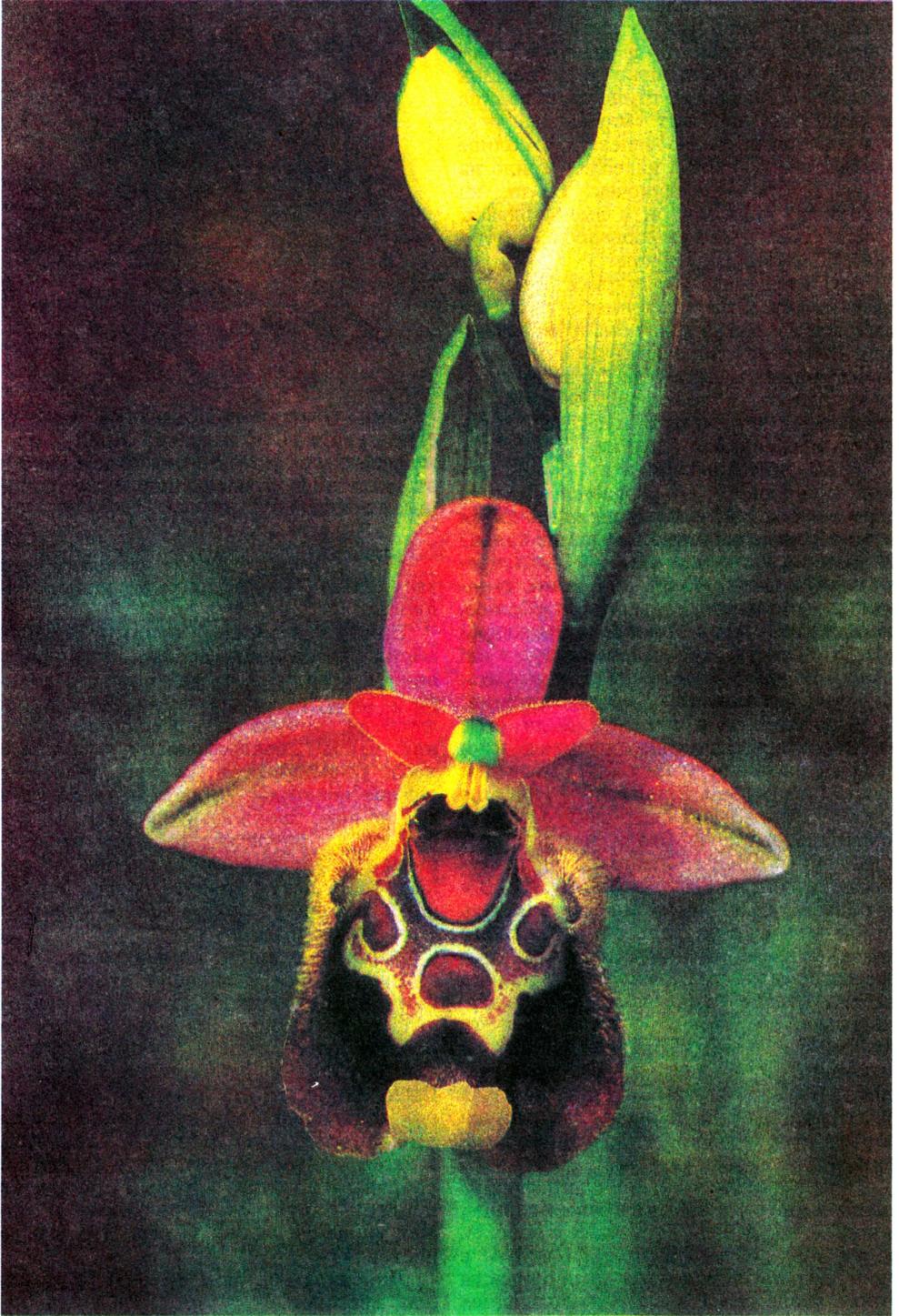
Зимой эти боровые птицы в поисках корма вынуждены кочевать. Соединившись в стаи, они улетают иногда далеко от мест, где жили летом. Но в конце февраля, почувя чуть уловимое дыхание весны, возвращаются в родные леса. Большие стаи, сообща делившие зимние невзгоды, распадаются. Петухи поодиночке засиживаются днем на деревьях по опущкам, греются на солнышке. Чувствуя приближение весеннего тока, петух пробует голос, бормочет потихоньку, словно голубь воркует. Что это за птица?

Какой лес зимой самый теплый?

Высушенное корневище этого растения может заменить в кулинарии лавровый лист, имбирь, корицу. Растет по берегам озер, стариц, ручьев, в заливах прудов, в заболоченных местах. Высоченное, до ста двадцати сантиметров, оно нередко образует в воде сплошные заросли. Лист длинный, линейный, с заостренным концом. Мелкие цветки собраны в початок, который становится к осени бархатисто-коричневым и может украсить любой букет. Что это за растение?

До свидания, мои друзья! Жду ваших весточек.

Ваш Главный Почемучка

В САДНОМ ПЛЕНУ

Из всех растений, которые мне доводилось когда-либо видеть, самое сильное впечатление произвела на меня Виктория регия. Это гигантская трава. В первой половине прошлого века ее несколько раз открывали различные ботаники и каждый был восхищен своей находкой. Рассказывают, что испанский католический миссионер патер Ла Куэвой, случайно наткнувшийся на Викторию во время скитаний в труднодоступных районах амазонских джунглей, при виде этого чуда упал на колени и воздал хвалу могуществу и величию творца. И, поверьте мне на слово, удивляться было чему. Недаром немецкий ботаник Р. Г. Шамбрук, первым давший растению научное описание, назвал его Викторией в честь только что вступившей на престол юной восемнадцатилетней английской королевы Викторией I, а другой ботаник — англичанин Д. Линдлей, окончательно определивший систематическое положение ботанического уникала, — для обозначения единственного, известного тогда вида присовокупил к его назва-

нию определение «регия». В результате научное обозначение растения звучит сейчас как Виктория регия, иными словами, Виктория царственная.

В этом рассказе я собираюсь познакомить читателей с удивительными цветками-обманщиками, которые, как и цветки Виктории, умеют завлекать и ловить насекомых, а затем заставляют их поработать опылителями. Однако Виктория регия настолько необычное растение, что я не в состоянии устоять перед искушением и не рассказать о нем подробно.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с Викторией регией — огромные круглые плавающие листья. У более крупной Виктории амазонской они в диаметре могут превышать два метра. Даже в оранжереях Санкт-Петербургского ботанического сада под хмурым северным небом их диаметр достигает 210 сантиметров. Края листьев загнуты вверх в виде бортика высотой до 14—18 сантиметров, что придает им вид огромных блюдов или чудовищного размера сковородок. Жилки листа в соответствии с его общими размерами превратились в своеобразные ребра до 3 сантиметров

толщиной и до 6 сантиметров высотой. Они образуют мощную решетку, на которую, как на палачу, натянута тонкая листовая пластинка. Ребра не только обеспечивают прочность, но, благодаря внутренней воздухоносной ткани, придают листу положительную плавучесть.

Мощный черешок листа тоже пронизан крупными воздушными каналами, по которым воздух подается к корням на глубину до 4 метров. Нижняя поверхность листа густо покрыта волосками, обеспечивая ему возможность самостоятельно питаться, а кроме того, черенки и жилки, в том числе на наружном приподнятом крае листа, обильно снабжены тонкими и очень острыми шипами длиной до 2,5 сантиметра. Они предохраняют нежную листовую пластинку от прожорливых лакомок-вегетарианцев.

Крупный лист тяжел. Выгнуть его из воды сможет лишь сильный человек, но удельный вес листа невелик, и поэтому он обладает значительной подъемной силой. На лист уверенно садятся крупные птицы, забираются внушительных размеров рептилии. Грузоподъемность большого листа превышает 75 килограммов. Если столько песка равномерно рассыпать по поверхности листа, он не утонет. Здо-

Губа орхидеи брассия словно посадочная полоса для насекомых. А точки, линии и окраска — знаки, указывающие, где послаще и куда направляться дальше.

ровый неповрежденный лист легко выдерживает тяжесть взрослого человека.

В 1925—1926 годах журналы мира обошел снимок сотрудника Санкт-Петербургского ботанического сада К. Мейснера: на одном из крупных листьев Виктории, лежащем на поверхности воды круглого бассейна, стояла молодая женщина. То была Александра Кальковская, работница той же оранжереи. Просто встать даже босыми ногами на лист нельзя: нежная ткань листовой пластинки не выдержала бы такой нагрузки и порвалась. Поэтому на лист положили соразмерный с ним круг, вырезанный из толстой фанеры. Диаметр листа, на котором стояла женщина, равнялся 208 сантиметрам. Кальковская весила 63 килограмма, а фанерный круг — 9 килограммов. Таким образом, лист Виктории без труда выдержал нагрузку в 72 килограмма.

Под тяжестью человека листовая пластинка опускается ниже поверхности воды, но высокие бортики листа препятствуют его затоплению. Они предназначены для того, чтобы лист не тонул под тяжестью севшей на него ненароком тяжелой птицы. Это для растения вредно. Если поверхность листа зальет вода, устьица потеряют способность обеспечивать его газообмен, что должно нарушить жизнедеятельность всех подводных частей растения. Тем не менее дожди, а на Амазонке они склонны разражаться с наступлением темноты ежедневно и нередко продолжают до утра, для Виктории неопасны.

Под градом крупных капель поверхность листа в считанные минуты оказывается покрытой толстым слоем воды. Однако затопленный лист надолго из строя не выходит. Для предотвращения последствий наводнения он снабжен сливной, или, как называют градостроители, ливневой, системой. Такие сооружения успешно действуют в Санкт-Петербурге, предохраняя улицы города от затопления дождевыми потоками. Уличные люки системы способны собрать всю оказавшуюся на асфальте относительно чистую воду и, не вызывая перегрузки канализационной системы, слить ее в ближайший канал.

Ливневая система Виктории соединяет верхнюю поверхность листа с нижней. Если внимательно рассмотреть листья, особенно на просвет, даже невооруженному глазу заметны светлые точки. Это наружные отверстия сливной системы. Каналы позволяют очень быстро освободить лист от воды. Для Виктории очень важен постоянный интенсивный газообмен, и растение вынуждено обезопасить себя от возможности длительных перебоев в газовом обеспечении.

У Виктории удивительно все, даже цветы. Они по-настоящему огромны, до 40 сантиметров в диаметре, и источают сильный и приятный аромат. Не менее удивительно, что Виктория цветет в два приема. Большие бутоны (цветочные почки!) формируются под водой, каждый на отдельной цветоножке, покрытой, как и завязь, шипами. В один прекрасный день, ближе к вечеру, бу-

тон выныривает на поверхность и с наступлением темноты, немножко обсохнув, не мешкая, проводит подготовку, предшествующую распусканию. Она длится около 30 минут. Затем цветок распускается с космической, по меркам растений, скоростью — всего за 20 минут. За этот короткий срок расправляется большая часть его (60—70) снежно-белых лепестков, однако внутреннюю часть, где находятся тычинки и пестик, цветок оберегает от неосторожного взгляда. Только если смотреть на цветок сверху, взору представляется узкий проход к цветочному пестику, к скрытой в глубине розовой светелке. Интересно, что в природе все бутоны, поднявшиеся из глубины водоема, раскрываются строго синхронно, будто их распусканием кто-то дирижирует.

Большую часть ночи цветок источает аромат, но под утро закрывается и исчезает под водой. Второй этап цветения происходит на другой день. С наступлением вечера цветок раскрывается вновь. За время отдыха лепестки цветка розовеют, и он полностью преобразуется, становится карминовым, совсем непохожим на вчерашний.

Как это ни покажется парадоксальным, но Викторию можно отнести к ряду теплокровных организмов. Чтобы обеспечить быстрое раскрытие лепестков гигантского цветка, энергетические процессы развиваются в нем весьма энергично. В результате в его глубине температура по сравнению с окружающей средой поднимается на 10—12 градусов. Если иметь в виду, что климат на Ама-

зонке жаркий и температура воздуха месяцами не опускается ниже 27–29 °С, внутри цветка она может стать выше 40 °С, что оптимально для протекания большинства биохимических процессов.

Виктория опыляется жуками. Как только проход к центру цветка окажется открытым, насекомые, привлеченные исходящим от цветка ароматом, начинают проникать туда. Там их ждет щедрое угощение — мясистые придатки пестика с нежной мякотью, содержащие сладкий нектар и обладающие сильным ароматом. К тому моменту, когда лепестки цветка закроют проходы, в его недра успевают проникнуть и оказываются там «арестованы» до 20 жуков. При этом цветку не грозит самоопыление, что могло бы неблагоприятно отразиться на его потомстве. К первой ночи созревает только пестик, и если жуки принесли на своих телах пыльцу, собранную накануне с других растений, цветок будет оплодотворен.

Тыччинки созревают лишь к следующему вечеру. Переварившие в заточении угощение, приготовленное для них цветком, и уже успевшие снова проголодаться, жуки, как только цветок вынырнет из воды и развернет свои лепестки, спешат покинуть бывшую столовую, где теперь не осталось ничего съедобного, и, продираясь сквозь строй лепестков-тычинок — такое совмещение функций обычно для кувшинковых, неизбежно вымажутся в теперь уже созревшей пыльце. Разыскав новый белый цветок первого дня цветения, хорошо заметный даже

в темноте, они опыляют его, а красными цветками лакомки не интересуются — там нечем поживиться.

В результате опыления развивается завязь, превращающаяся в крупный мясистый плод, величиной с хороший апельсин, представляющий собою многонездovou коробочку, в которой созревает до 400 мучнистых семян размером с обычную горошину. Семена содержат много крахмала. Местное население охотно использует их в пищу. Семена собирают, поджаривают и едят, как каштаны, или размалывают и из муки пекут лепешки. Недаром испанские колонисты, которым растение было известно задолго до его научного описания, называли его водяным маисом.

Виктория не одинока. Существуют и другие растения, которые «сажают

Любка двулистная — орхидея-северянка. Два-три года собирает она под землей свои силы, чтобы затем во всеоружии предстать перед насекомыми во всем великолепии и аромате своих цветков.

под арест» своих опылителей. Подобные цветки ботаники называют ловушками. Они хотя и ловят насекомых, но относятся к ним весьма гуманно. Пленников не убивают и не делают попытки их съесть, а наоборот — подкармливают. Единственная цель пленения — привлечь насекомых к процессам опыления, заставить их потрудиться на этом поприще. И что интересно — растения частенько ловят насекомых не только для того, чтобы воспользоваться их услугами, а ради своих соседей, чтобы снабдить опылителей собственной пыльцой и сделать их полезными для другого ра-

стения, если то сумеет поймать перемазавшееся пыльной шестипалое существо.

Растения-ловушки встречаются не только в джунглях Амазонии, но и в субтропиках, и даже в странах с умеренным климатом, в том числе в Европе. Это аронники — небольшие травянистые растения. В нашей стране произрастает примерно полтора десятка дикорастущих видов аронниковых, а кроме того, выращиваются культурные декоративные виды. В их числе хорошо всем известные красавицы — каллы. Они действительно великолепны. Их название заслуженно произошло от греческого слова «калос» — красота. Из диких аронниковых северянам лучше всего знаком белокрыльник — болотные каллы, встречающиеся по окраинам любых северных сфагновых болот. Среди аронниковых много видов,

представители которых умеют отлавливать своих опылителей.

Предназначение и действие ловушки лучше всего изучено у аронника пятнистого, весьма обычного на западе Европейского континента. У него, как и у всех аронников, весьма своеобразные соцветия, являющиеся как бы миниатюрной копией культурных калл. Оно образовано двумя элементами: широким листом-оберткой и цветочным початком, который у некоторых видов увенчан источающей аромат булавой.

Крохотные цветки аронника пятнистого собраны в соцветия типа початка и спрятаны в специальной полости, образованной нижней частью листа обертки, из которой поднимается наружу лишь булава. Цветки скрытой от глаз части соцветия раздельнополы и сгруппированы по

половому признаку. Женские находятся в нижней части основания булавы, а мужские цветки расположены значительно выше, ближе к горловине полости.

Насекомые, привлеченные ароматом булавы, садятся на ее скользкую поверхность или на не менее скользкую внутреннюю поверхность обертки и, не удержавшись, скатываются вниз. Самые мелкие из них проваливаются в горловину, из которой торчит основание булавы, а крупных задерживает венчик волосков, и они избегают плена.

Стенки полости, в которой находятся пленники, тоже очень скользкие, и все их попытки получить свободу ни к чему не приводят. Единственное место, где они могут удержаться, — соцветие. Здесь арестанты и копошатся. Если они до того уже побывали в плену у другого соцветия аронника пятнистого и перепачкались в его пыльце, то, ползая теперь по женским цветкам, они их опыляют, но может случиться, что среди арестованных насекомых таких «нерях» не окажется, и семян это соцветие не даст.

Развитие женских и мужских цветков происходит у аронников не одновременно. Первыми созревают женские цветки, а мужские лишь после того, как женские будут опылены или состарятся и на-

Виктория регия цветет всего два дня в два приема. Окраска ее цветка меняется от белоснежной в первый день цветения до розовой во второй. Лакомки-насекомые интересуются лишь белыми цветками.

Ятрышнику необходимы крылатые помощники, иначе не хватит семян для продолжения рода.

чнут отмирать. Одновременно стенки полости сморщиваются, становятся более сухими и не такими скользкими, так что пленники получают возможность выбраться наружу и по дороге, в верхней части полости, измазываются в пыльце мужских цветков. Поскольку с насекомыми ничего страшного в кратковременном плену не произошло, они и в дальнейшем не избегают цветущих аронников и вскоре снова попадают в плен, опыляя в новой тюрьме женские цветки и запасаясь новой порцией пыльцы. Обычно арест длится не более суток, и насекомые, выпущенные на свободу, имеют возможность многократно попадать в ловушку, каждый раз добросовестно выполняя нелегкие обязанности по обеспечению плодовитости арестовавшего их аронника.

У орхидей, даже у наших северных, — красивые цветы. Это весьма необычные растения. Вот несколько особенностей, заставляющих орхидеи быть обманщиками. Главная из них заключается в том, что размножение связано с немалыми трудностями. У орхидей чрезвычайно мелкие семена, не обеспеченные необходимым количеством питательных веществ и потому не способные прорасти без посторонней помощи. Роль благодетелей, нянчающихся с семенами орхидей, берут на себя грибы.

Семя орхидеи может начать развитие только после того, как в него про-

никнут гифы гриба и начнут снабжать его углеводами, витаминами и другими веществами, необходимыми для роста и развития. Однако помощь грибов не позволяет им развиваться так же быстро, как это происходит с горошиной или с семенем огурца. Особенно трудно приходится северным орхидеям, ведь наш холодный климат предоставляет для их развития лишь очень короткое лето, всего 4–5 месяцев в году. Неудивительно, что даже у самых быстроразвивающихся орхидей-северянок, таких, как любка и ятрышник, под-

земный образ жизни продолжается 2–3 года, значительно дольше — 7–9 лет — проводят в земле семена скрученника, но и это не предел. У крупноцветкового пыльцеголовника этот процесс занимает 10–11 лет, а первое цветение молодой орхидеи может осуществиться лишь еще через 7–17 лет!

Имейте в виду, что орхидеи являются небольшими травянистыми растениями. Естественно, что за такой длительный период развития семян и молодых проростков с нежным крохотным растением может произойти все, что угодно.

Оно может погибнуть, так и не выглянув из земли. Поэтому орхидеи заинтересованы в том, чтобы семя у них было как можно больше, чтобы хоть какая-то их часть сумела прорасти, тем более, что по непонятным причинам их цветки имеют всего по одной тычинке, а из трех пестиков для воспроизводства семян годится только два. Не вызывает удивления и тот факт, что у цветков орхидей имеется множество всевозможных приспособлений и для привлечения насекомых, и для того, чтобы облегчить им поиски нектара, если он есть, и пыльцы, а также для того, чтобы они обязательно наткнулись на пестики. Самый крупный из трех внутренних лепестков цветка орхидей — губа — является своего рода посадочной площадкой для насекомых. Форма губы, рисунок на ней, точки, линии, изменения интенсивности окраски — это «дорожные знаки», путевые указатели, показывающие сластенам-насекомым, где им искать нектар.

Днем опылители орхидей в первую очередь обращают внимание на яркую окраску цветов. Снежно-белые цветки хорошо заметны в сумерках и лучше других привлекают насекомых-опылителей, а грязно-фиолетовые или коричнево-красные больше нравятся мясным мухам и жукам-падальщикам. Резкий запах помогает привлекать насекомых даже ночью. Он может быть любым: от божественного

аромата до зловония и смрада гниющего мяса. В общем — аромат на любой вкус! К тому же и цвет, и запах нередко оборачиваются обманом.

Все растения, завлекая опылителей, приманивают их чем-нибудь вкусеньким. Это в порядке вещей. Среди орхидей немало искусных обманщиков. У многих насекомых-опылителей, обитающих у нас на Севере, весной первыми появляются самцы и сразу же начинают разыскивать самок. А их еще нет! Орхидеи этим пользуются. Их цветки умудряются своей формой, цветом и рисунком имитировать отсутствующих самок мух, пчел, шмелей и других насекомых. Обманщиком становится губа. Она копирует тело насекомого, боковые листочки околоцветника — его усики, а ложные нектарники у основания губы — глаза. Цветки даже источают слабый запах, свойственный самкам тех насекомых, на которых они стараются быть похожими, и самцы находят обманщиков даже в темноте. Долго не хотят они поверить, что их надули, а пока разбираются, ползая туда и сюда, цветок оказывается опыленным. Так, от цветка к цветку, оставляя на каждом порцию пыльцы, а взамен набирая новую, мечутся весной обма-

нутые самцы, окрыленные мечтой о «прекрасной даме».

Ботаники давно разгадали секреты опыления этих орхидей и отобразили их в названиях этих растений. У нас на Севере встречаются орхидеи: офрис пчелоносная, офрис шмеленосная, офрис мухоносная, офрис оводоносная и даже офрис насекомононосная. А в Западной Европе прижились и другие обманщики: офрис зеркальная — точное отражение пчел, самцы которых весной занимаются ее опылением.

Опылителей орхидей-офрисов известно у нас немало. Это мелкие и невзрачные одиночные пчелы рода андрена. Их на территории России обитает более 100 видов и большинство — усердные опылители. Не менее многочисленны пчелы-паразиты антофоры. У них опылением занимаются только самцы (тоже обманутые орхидеями весной). К числу антофор относятся и эвцеры, являющиеся в отличие от большинства своих родичей прекрасными опылителями люцерны. Летом самки андрен, эвцер, шмелей усердно занимаются сбором нектара и опылением самых разных растений, а весной самцы этих видов насекомых, введенные в заблуждение орхидеями, опыляют их цветки на общественных началах, не получая за это никакого вознаграждения.

Б. СЕРГЕЕВ,

доктор биологических наук

Фото Р. Воронова

Владимир МИРНЕВ

Рис. А. Семакова

Повесть

НЕЗНАКОМЕЦ

Юра приготовил отличный хлыст для гусей, достал с чердака наганчики и спичечный коробок с десятью спичками, новый автомат из осины, сделал несколько трубок из старого камыша, положил в карман ножичек и увеличительное стекло. После этого задумался. Ничего не забыл?

Цыбулька мешал как только мог, повсюду волочился за ним, каночил, просясь в поход, и невольно узнавал Юрины тайники, в которых хранились самые необходимые для его жизни вещи — «Конструктор», автомат, спички, ножичек.

— Юрик! — крикнула бабушка. — Чего Витенька плачет? Юрий!

— А я почему знаю? У него лишние слезы, глаза вон на мокром месте.

— Юрик, возьми Цыбульку на котлован, но гляди, Юрий! Боже сохрани! Вода нынче ледяная, так и схватит судорога.

Цыбулька перестал хныкать, сел на прутик верхом и поскакал гнать гусей, но только приблизился к гусям, как гусак выгнул шею и его словно из пращи спустили, так стремительно он кинулся к

Цыбульке, который тут же дал стрекача.

Ребята вооружились с ног до головы. Все складывалось как нельзя лучше. Это надо же придумать такое: идти на котлован с гусями. До такой маскировки вряд ли кто мог додуматься. Они гонят гусей как ни в чем не бывало, а сами глядят по сторонам, все замечают...

— Дай, я погоню гусей? — попросил Санька.

— Гони, но не больно шибко, будто мы ничего такого, — великодушно разрешил Юра. — Понял? Маскировка отличная. В кино помнишь: едет телега с сеном, немцы ничего такого не подумали, а потом наши оттуда выскочили и только: Тр-тр-тр! Тр-тр-тр-тр! Понял?

— Законное дело, — согласился Санька и сразу весь преобразился, изображая из себя матерого разведчика, пытающегося ввести в заблуждение бдительного врага своими невинными разговорами.

Гуси, завидев воду, заготовали и бросились плавать. Цыбулька снял штаны и забарахтался у берега в грязь.

— На тот берег нужно перебраться незаметно, — сказал Юра, влез в холодную воду и показал, как надо дышать через камышинку, находясь под водой.

— Зачем? — удивился Артур. — Можно и так.

— И дураку ясно. Будто мы купались только, отвлекли внимание — и вдруг нас

Продолжение. Начало см. в № 1 за 1997 год.

нет. Все дело в неожиданности. Нас нет, и вдруг мы на том берегу, а потом ползком в лес. Ясное дело, как настоящие разведчики.

— Законно, — подтвердил Санька, доверившись другу, снял штаны и первым погрузился в воду. Вскоре он вынырнул, закашлявшись. — Законно, только вода в трубку попадает.

— Надо вдоль берега, — сказал Юра, лег в воду на спину и, отталкиваясь ногами от дна, двинулся вдоль берега. Видна была над водой одна трубка, которую он держал во рту.

Санька и Артур попробовали сделать то же самое, но у них не получалось. Они наглотались воды. А Юра выбрался из воды уже на том берегу, махнул ребятам рукой. Они прибежали к нему.

— В лес нужно ползком ползти, — сказал Юра.

И они поползли в лес. В самом начале они смеялись, переговаривались, ползли наперегонки, но вскоре замолчали и сели отдыхать. До леса рукой подать. Они снова поползли, но лес от этого ближе не стал. Сделали привал.

— Короткими перебежками вперед! — крикнул Юра и, сделав перебежку, упал. За ним последовали Санька и Артур. Вот и лес. Юра был доволен, все шло как в хорошем фильме: маскировка под пастухов гусей, затем переплывание котлована при помощи камышинки, правда, под конец пришлось выплюнуть ее, и он изрядно наглотался воды, и плыть, чуть высунув нос, но это была отлично проведенная операция.

Здесь, на опушке под березами, было тепло, пахло молодой листвой. В лесу громко куковала кукушка.

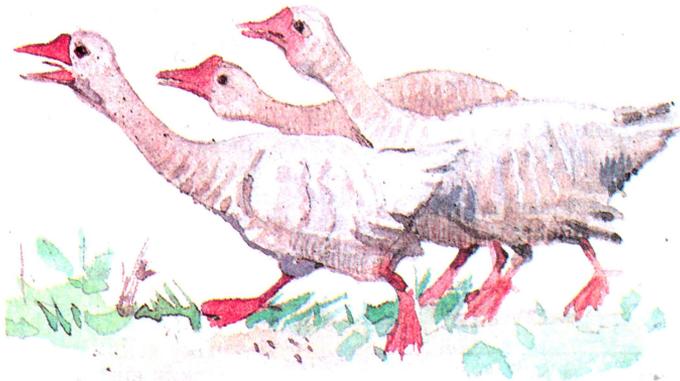
— Кукушка, кукушка, сколько мне

осталось жить? — загадал Юра, и кукушка накуковала ему сто один год. Загадал Санька, ему осталось жить всего три года, а Артуру — девятнадцать лет.

— Мне не везет на этих кукушек, — пожаловался Санька.

— Мне много жить. Я схожу в разведку, — сказал Юра, сделал из веток венки и надел на голову, заткнул за пояс ветки и зашел в лес. Сердце у него застучало громко, стоило ему только отойти от ребят. Отсюда, с опушки, как на ладони видны село с радиантеннами, конюшня и амбары, автомобиль, пыливший по дороге в район, котлован с бутрами и далекие леса, округ смыкавшие горизонт. Юра углубился в лес. Запахло сыростью. Листья на осинах затаенно трепетали, пугая своим осторожным шумом. Юра набрел на тропинку, но, вспомнив, что идти нужно не по самой тропинке, а в стороне, свернул с нее. То и дело встречались высоченные пни, видать, лес валили зимой, когда снегу в лесу было по пояс. Из-под ног с шумом, задевая ветви, вылетали куропатки. Юра от неожиданности присел, здорово екнуло с испугу сердце.

У высокого старого березового пня Юра остановился, присел и осмотрел пень со всех сторон. Пень оказался старый, трухлявый; с той стороны, где сильно выпирали корни и рос мох, нашлось круглое отверстие — вход в нору, заделанный кое-как травой. Юра осмотрелся. Слишком тихо, слишком затаенно шептались листья осин, чтобы не пугаться и не быть настороже. Ах, если бы хоть кукушка или сорока подали свой голос. Ну до чего тихо! Кажется: из-за кустов на него глядят, из-под пней блестят чьи-то глаза, березы за ним наблюдают. Но раздумья

вать было некогда. Юра сунул непослушную руку в нору и сразу нащупал что-то холодное, скользкое, отдернул руку и удивился: никто не схватил за руку.

«Вот оно, начинается», — подумал он, отполз от пня и стал наблюдать, соображая: что там могло быть? Его мысли ни на чем не могли остановиться. Позвать ребят? Нет уж, не стоит. А вдруг там ничего и нет? Ребята его на смех поднимут. Надо наблюдать, потому что стоит отойти, как все может исчезнуть. Юра обычно не мог долго заниматься чем-то одним, а тут его словно приковали к пню. Он не мог глаз отвести от него, ожидая, что сейчас окажется свидетелем тайны. Кто же вылезет из норы? А может, там прячется тот, кого видел Николай? Вот расскажет Саньке и Артуру, они от зависти лопнут. Юра долго сидел под кустом, его пригрело и стало клонить ко сну, хотя он и воображал, как вот сейчас, ну буквально через минуту, станет свидетелем ужасной тайны.

«А если там клад?» — озарило Юру, и он уже встал, представляя, как бросит на траву перед изумленными ребятами красивый золотой ларец, полный драгоценностей. От одной догадки у него мурашки по коже побежали. Юра вскочил, собираясь сейчас же откапывать ларец, оглядываясь в надежде найти лопату или твердый сук, как услышал шаги. По тропинке кто-то неторопливо шел, что-то говорил то ли себе, то ли кому еще. Юра, присев, отступил в кусты и замер. Он хотел было бежать, чтобы отвлечь идущего от пня, под которым наверняка спрятан клад, и уже собирался вскочить, как увидел между деревьями идущего.

Это был незнакомый человек. Незнакомец шел навеселе, нес что-то белое в левой руке и мотал этим белым. Юра пригляделся. У незнакомца в руках был убитый гусь. Страшное подозрение осенило Юру: как бы этот мужик не утопил Цыбульку из-за гуся. Юра вскочил, чтобы сейчас как можно быстрее бежать к котловану, но незнакомец услышал шум и оглянулся. Юра быстро присел. Мужик остановился. Он был небольшого роста, худощавый, с крохотными бегающими глазками. «Люди с такими глазами действуют не задумываясь, бывают жестокими, злыми, а сила в них возникает как бы от их жестокости и злости, — вспомнил Юра прочитанное. — Они напористы, вертки и потому не всегда уверены в

своей силе, действуют молниеносно и всегда жестоко». Что поразило Юру — у незнакомца не хватало одного уха. Вместо уха торчали два коротких отростка. Мужик постоял, прислушиваясь, огляделся и, никого не увидев, медленно зашагал по тропинке, осматриваясь, все еще ожидая, что шум повторится. Шел и будто слышал спиной, готовый в любую минуту оглянуться и увидеть того, кто произвел шум. Так слушают звуки звери. Юра сразу, как только увидел гуся, решил выследить чужака, ждал, когда тот отойдет на почтительное расстояние, чтобы направиться за ним. Вот мужик отошел далеко, можно идти. Юра осторожно двинулся следом, забыв про клад, жалея только, что нет с ним ребят и не видит Соня.

Мужик неторопливо шел по тропинке, видать, не спешил, лениво махал гусем, задевая им ветви, что-то бубнил себе под нос — беспечный, никуда не торопящийся человек.

Юра крался за ним, хоронясь за деревьями и кустами, от страха душа уходила в пятки, когда вдруг под ногами трещал валежник. Лес становился гуще, деревья, поросшие густым мхом, выше и толще.

Они зашли так далеко, что Юра стали одолевать сомнения: как далеко пойдет мужик и сумеет ли он, Юра, выбраться из чащи? Ему стало казаться, что он никогда не выберется теперь отсюда, не найдет дорогу обратно, а дома будут волноваться и искать его и найдут через месяц лишь одни кости, и он почувствовал такую

жалость к бабушке, отцу, матери, Цыбульке, которые станут плакать и рыдать, что прослезился.

Мужик свернул в сторону, постоял с минуту, наблюдая за тропинкой. Юра затаился за кустом и потерял его из виду. Только вот видел мужика, тот стоял под березой, наблюдая за тропинкой, и исчез, словно сквозь землю провалился. Юра свернул в сторону, куда пошел мужик, озираясь и с трудом ступая непослушными, подгибающимися в коленках ногами, прокрался к той березе, под которой он стоял. Не мог же он испариться? Юра увлекся поисками исчезнувшего мужика и забыл про осторожность. До боли в глазах всматривался в кусты, оглядывался, пока не споткнулся и не упал. Ему показалось, что его толкнули. «Все, — промелькнуло у Юры, — не узнать, зачем сюда приходил мужик, где взял гуся и кто утопил Цыбульку». Юра закрыл глаза, готовясь принять смерть, но минут пять никто его не трогал. Он прислушался — никого. Встал, на полусогнутых ногах подошел к кустарнику, осторожно раздвинул ветви и увидел поляну.

Посередине поляны стоял мужик и стягивал с себя рубашку, затем он ловко подхватил гуся, пошел через поляну. Там под низкорослой и корявой березой стоял шалаш. Рядом с шалашом торчали две рогатины с перекладиной, на которой висел на проволоке казанок. Тут же на ветке сушились одеяло, пиджак, какие-то тряпки.

Мужик бросил гуся к кострищу, стянул с ветки одеяло и лег, насвистывая мотив какой-то веселой песенки. Когда ему надоело свистеть, полез на четвереньках в шалаш. Юра, желая разглядеть, что происходит в шалаше, совсем высунулся из кустов, потом отполз обратно, собираясь подобраться к шалашу поближе, но в это время совсем недалеко от Юры, так недалеко, что Юра от страха упал, вышел на поляну еще один мужик. Юра подумал, что это тоже незнакомец, но, когда пригляделся, оказалось — это старик Шупарский. Старик остановился в двух шагах от Юры, даже слышно было, как он шумно, трудно дышал. Нет, Юре сегодня прямо везло на невероятные встречи. Он притаился, считая, что старик заметил его, но хитрит и почему-то пока не хочет показывать этого. Стоит старику повернуться, сделать шаг, и Юра в его руках.

— Чет-чет-перечет, пусть меня пронесет, — зашептал Юра старое, верное заклинание, которым ребята всегда пользовались, когда не знали уроков, — чет-чет-перечет, пусть меня пронесет.

Старик Шупарский был высокого роста, могучий в плечах, на огромной голове его лежал большой клубок совсем белых волос, на загорелом, морщинистом и широченном лице блуждала недобрая улыбка. Старика в деревне побаивались за вспыльчивый и злой нрав. Ходили слухи про него: лют на расправу. Якобы давным-давно он убил своего двоюродного брата и взял в жены его жену, красавицу-казашку из дальнего аула, с которой и поныне живет. Однажды, рассвирепев на быка, на котором ездил в лес за дровами, Шупарский ударом кулака свалил его, и быка пришлось после этого прирезать. Никто не ходил в гости к Шупарскому, и ни к кому не хаживал он. Шупарский был в селе единственный хозяин, чей двор окружал плотный дощатый забор без единой щелочки.

— Эгей, Ванька! — крикнул зычно старик. — Ты здесь, оглоед безухий?

Из шалаша выбрался на четвереньках мужик и прилег на одеяло.

— Чего, кочерыжка, балабонишь? Не видишь меня? — отвечал сердито мужик, сонно потягиваясь и что-то жуя, явно не выказывая никакой боязни деду Шупарскому. — Вон гуся раздобыл на котловане.

— Эх, плачет, Ванька, по твоей шее петля!

— А по тебе кулак. За такого жеребца отвалят нам в казахском ауле не с гулькин нос. Возьми справку, что можно продавать, а то народ пошел ушлый, поумнел. Грамотные стали! Не как в прошлый раз. Не возьмут ведь его, начнут дознаваться: чей, откуда? Застукают.

— Я возьму в сельсовете справку, что продаю бычка, и подрисую так, что комар носа не подточит! Загадывать не будем, Ванька.

— Не обманут нас? — тревожно спросил мужик.

— Надежное дельце, поверь. В таких областях я учен, — отвечал старик Шупарский.

— Ну смотри, я на руку скор, чуть что, пиши пропало. И я был таков. Мне попадаться нельзя, это последний козырь. Наука у меня, два побега с мокрым

делом. Вот что меня подначивает, и терять мне нечего. Смотри!

Дед Шупарский присел рядом и стал щипать гуся. Мужик запалил костер. Дым потянуло через поляну. Юра заткнул рот, чтобы не чихнуть и дослушать разговор до конца.

— В твои годы, Ванька, я табун отбил у казахов. Гнались за мной одиннадцать джигитов, а мы вдвоем с покойником братом. Шестьдесят лошадей отбили. Мне б твое время, твою молодость. Догнал меня один. Ну что он супротив меня? Козявка.

— Не бойсь, не похуже тебя, — сказал мужик.

Юра в это время кашлянул от дыма и зажал рот ладошками.

— Слышь? Что-то мне не нравится сегодня шум.

— Показалось.

— Нет. У меня слух на такое... Погоди.

Мужик вскочил и исчез в шалаше, а вскоре вышел оттуда с ружьем. — А ну погодь.

— Коза, — сказал Шупарский.

— Не говорь! — крикнул мужик зло, прислушиваясь, торопливо оглядывая поляну и отходя в кусты.

У Юры задрожали руки, он попятился, вскочил и бросился бежать. Вот и береза, а там тропинка. Скорей, скорей... Юра торопился изо всех сил, колотилось сердце, казалось, оно переместилось из груди к горлу и там застучало, забывая дыхание. Он боялся оглянуться. Будь что будет, лишь бы не оглянуться на бегущего за ним мужика. Юра ничего округ, кроме тропинки, не видел.

Ребята сидели все под тем же кустом и ругались: никто из них не хотел быть фашистом в войне, которую они затевали.

Когда Юра прибежал и, задыхаясь,

долго не мог вымолвить ни слова, ребята переглянулись.

— Скорей к котловану, — сказал Юра и побежал.

У самой воды спал Цыбулька. Он проснулся и долго не мог понять, где находится. Юра присел рядом. У него дрожали руки, колени.

— Где гуси? — спросил Юра у брата.

— Гуси? А я не знаю, — отвечал Цыбулька, надевая штаны. — Холодно. Бабушка ругаться будет.

Только теперь Юра заметил, что наступил вечер. Задевая верхушки, над дальними лесами висело огромное красное солнце, а по лугам и балкам собирался в жиденькие клубки белесый туман. К котловану пригнали стадо на водопой. Санька ходил вокруг Юры и заглядывал ему в глаза, надеясь узнать, почему Юра так бежал,

Вот ты на кладбище ночью пойдешь один?

— Куда хочешь пойду. Понял? Я один на чердаке спал. Да это чепуха. Вон в колодец казенный лазил до самой воды, на лед ступал. А ты хочешь туда полезть?

— Хочу.

— Я тебе, Фома, такое скажу.

Санька разочарованно махнул рукой и закричал своей корове:

— Зорь-ка! Зо-рька!

Юра без труда нашел свою корову, бычка и погнал домой. Цыбулька сел верхом на прутки и поскакал, нахлестывая «лошадь». Юра думал, что если он расскажет обо всем, что видел в лесу ребятам, то они мигом разнесут новость по селу, и слухи дойдут до того мужика по имени Ванька, и никто не сможет раскрыть тайну. Юра решил никому ничего пока не говорить.

Продолжение следует

ГОРОДСКАЯ ЛАСТОЧКА

Это очаровательное пернатое существо словно нарочно пожаловано нам от щедрот Ее Величества Природы для того, чтобы каждый, не отдаляясь от дома и повседневных хлопот, мог время от времени полюбоваться образцом совершенства и гармонии дикой жизни, которому по счастливому стечению обстоятельств от века суждено скрашивать рутину наших скучноватых городских будней.

Все лето звонкий щебет неутомимых летуний, точно зеленый росток через корку асфальта, пробивается сквозь уличную какофонию: шелест шин, рев моторов, беспрестанный людской гомон. Наскучившись зрелищем пыльных улиц, где с проворством голодных тараканов снуют

сонмы автомобилей, отрадно вскинуть голову и с извечной человеческой завистью к полету подивиться той неожиданной кротости, с которой могучий воздушный океан покоряется парящим в синеве птицам. В городе ли, в деревне — грустно и одиноко становится любителю природы, когда, гонимые осенними холодами, надолго покидают ласточки свою посуровевшую родину, оставляя на память о себе лишь развешанные под карнизами чашечки гнезд.

Но лишь прогремят первые майские грозы и разольется в городских парках теплый аромат новорожденной листвы, вновь закружится в синеве карусель острокрылых птиц. В погожий день солнце

щедро греет поверхность почвы, стены и крыши домов, откуда, в соответствии с известным физическим законом, устремляются вверх потоки теплого воздуха, возносящие в небеса мириады насекомых, которых подстерегают ласточки, пирующие в вышине среди изобилия воздушно-го планктона. Но тяжело вздохнет вдруг отступившая к северу зима, далеко разнесется ледяное ее дыхание, свинцовые тучи затянут небосклон, заморосит дождь, склонятся под напором холодного ветра едва зазеленевшие верхушки берез. Что за охота летать по такой погоде? Отложив все дела, забиваются в щели мошки, прячутся в листе комары. Все царство насекомых до наступления лучших времен погружается в сонное оцепенение. Синиц, пеночек и славок, бодро шныряющих в ветвях и по земле, это обстоятельство никоим образом не смущает. Ну а как быть ласточкам, которые добывают пропитание только в воздухе?

Много миллионов лет тому назад, когда предки ласточек только открывали для себя неисчерпаемые и никем более не используемые возможности воздушного океана, они и по своему облику, и по образу жизни, вероятно, мало чем отличались от прочих мелких пичуг, вечно озабоченных поисками всевозможных букашек, гусениц и паучков. Разве лишь тем, что чаще и азартнее других пернатых преследовали пролетающих мимо мух и бабочек, копируя на первых порах охотничьи повадки известных непосед-мухоловок. Но вскоре самым лучшим летунам надоел мухоловочий способ охоты, когда после упойтельной воздушной погони за ускользающей жертвой приходилось всякий раз возвращаться на веточку и подолгу скучать здесь в ожидании следующего шанса. Повинуясь законам эволюции, ласточки неудержимо устремились в воздушную стихию, которая с течением времени стала для них настолько же привычной, насколько привычна и необходима вода для обитающих в ней рыб.

Худо-бедро летать могут почти все птицы, однако для подавляющего большинства из них полет остался все же самой тяжелой работой, какую только в состоянии выполнять пернатые. Оттого-то вся птичья мелочь — вроде воробьев да синиц — не может позволить себе находиться в воздухе более часа в сутки. Для ласточек с их узкими, длинными крыльями, приводимыми в движение мощными

грудными мышцами, полет стал относительно легким делом. Ласточки без усталости летают до шестнадцати часов на дню и расходуют за единицу времени в три раза меньше условного топлива, чем любая другая птица, не принадлежащая к клану воздушных охотников. И если на конкурсе лучших летунов пернатого мира по праву первенствуют стрижи, то серебряными медалями вне всякого сомнения должны быть удостоены герои нашего повествования.

Но всякая медаль имеет свою обратную сторону. Чем лучше усваивали ласточки приемы воздушной охоты, чем свободнее чувствовали себя в поднебесье, тем меньше шансов оставалось у них для того, чтобы в случае чего обеспечить себя и свое потомство чисто земной провизией. В конце концов ласточки вообще утратили все навыки добывания корма на земле, вплоть до того, что само передвижение по тверди земной стало для них весьма затруднительным. А потому при похолоданиях, сильных ветрах и дождях, когда у насекомых надолго пропадает охота к воздушным путешествиям, ласточки вынуждены попросту голодать, и их выживание в тяжелую годину бескормицы зависит только от того, насколько экономно способны они расходовать отнюдь не богатые запасы необходимых веществ и энергии, накопленные ранее в организме. Любые погодные передряги, доставляющие лишь досадные неудобства прочим пернатым, для ласточек всегда оборачиваются тяжкими испытаниями, а продолжительное ненастье представляет собой по-настоящему грозную опасность и может унести жизни многих тысяч птиц. В теплый солнечный день, наблюдая за тем, как в небе играют стаи ласточек, невозможно представить себе, что над головой неутомимых летуний испокон веку висит дамоклов меч голодной смерти.

Так что умей ласточки только быстро летать, они могли бы запросто не дожидаться того времени, когда на земле появится их покровитель и почитатель — человек. Судьба птиц, пустившихся в штормовое море эволюции на судне, пригодном для плавания лишь в относительно спокойных водах, во многом зависела от того, успеют ли они оснастить суденьшко дополнительными устройствами и приспособлениями, достаточными для того, чтобы обеспечить его минимальную жизнеспособность и тем самым повисить свои

шансы в борьбе с не знающей жалости стихией естественного отбора.

Прежде всего ласточки приучились стойко переносить голод. Когда приходит лихое время, птицы забираются в какое-нибудь укрытие, дающее защиту от разбушевавшейся непогоды, и там подолгу сидят недвижимо, впадая в сонное оцепенение. Температура у птицы может упасть почти на десять градусов, что дает ощутимую экономию энергии, в обязательном порядке расходующей на саморазогревание тела всеми теплокровными животными. В таком полубессознательном состоянии ласточка может просидеть более двух суток, расходуя на поддержание едва тлеющего огонька своей жизни единственное доступное топливо — те бесценные граммы жира, которые удалось ей запасти накануне ненастья. Продолжение вынужденного поста грозит опасностью, потому что жир, как самый дешевый и легко возобновляемый при хорошем питании источник энергии, подходит к концу. Организму не остается ничего другого, как переключиться на очень дорогое и трудно восстанавливаемое белковое топливо.

Взрослым ласточкам сильно жиреть не резон. Для птицы, которую кормят крылья, каждый грамм дополнительного веса обрачивается и дополнительными проблемами.

Еще одна своеобразная особенность птенцов городских ласточек состоит в том, что растут они очень медленно, словно осторожничают. Скорость их роста и время, проведенное в гнезде, зависят от обеспеченности кормом. Хотя птенцы хорошо переносят голод, недостаток пищи, безусловно, замедляет их развитие и удлиняет сроки пребывания в гнездах. Но даже в самых благоприятных условиях юные ласточки редко покидают родной дом ранее четырех недель после вылупления. Это почти вдвое превышает обычный срок, отведенный для взросления птенцам всех прочих мелких пичуг, многие из которых, особенно будучи побеспокоенными, без сожалений покидают обжитое убежище уже на десятый день жизни.

Быстрое взросление — выгодная тактика. Чем меньше времени беззащитные птенцы просидят в гнезде, тем меньше шансов добраться до них любителям птичьего мяса. Зато родителям приходится трудиться в поте лица и при любой погоде поддерживать высокий и стабильный ритм доставки корма стремительно

взрослеющим отпрыскам. И наоборот, медленный рост птенцов снижает уровень требований к скорости и ритмичности их снабжения, но удлиняет срок повышенной уязвимости потомства.

Спору нет, архитектурные способности городских ласточек достойны восхищения. Однако всякий натуралист, желающий видеть природу в ее истинном облике, всегда должен помнить про упомянутую уже оборотную сторону медали. Дело в том, что необычная технология строительства в конце концов поставила ласточек в очень жесткую зависимость от материалов и поверхностей, используемых для постройки гнезд, и еще более ограничила диапазон мест обитания этих необыкновенно капризных и требовательных птиц.

Это только кажется, что хорошую глину можно найти где угодно. Она должна быть с определенной примесью песка и очень влажной. К тому же источник глины не должен отстоять слишком далеко от строительной площадки, потому что предстоящая птицам работа и без того потребует от них массу сил и времени. Ведь даже при хорошей погоде и полной обеспеченности материалами стройка с активным участием обоих партнеров редко идет менее десяти дней. Вообще же погода может крайне затруднить и даже сделать невозможной постройку гнезда. В засуху глина затвердевает и не поддается слабым клювам ласточек. Затажные дожди замедляют высыхание уже положенных слоев материала, увеличивают время строительства и снижают прочность построек. В сильную жару или на солнцепеке гнездо также просыхает неравномерно, отчего позже может попросту обрушиться. Словом, вместе с новой технологией ласточки приобрели и множество новых хлопот, которые чрезвычайно осложнили их и без того нелегкую жизнь. Однако чего не сделаешь ради безопасности птенчиков?

Но, даже найдя защиту от хищников, умелые строители не стали жить вполне безмятежно. До сих пор ученые гадают о том, что побуждает этих птиц тесниться в колониях? Почему ласточки-новоселы сплошь и рядом непременно желают прилепить свои гнезда к уже имеющимся постройкам, игнорируя обширные свободные пространства, вполне пригодные для заселения? Ведь в колониях, как и в любой коммунальной квартире, ласточки постоянно терпят крупные неприятности

и мелочное беспокойство от многочисленных любопытных и на редкость вороватых соседей, которые то и дело заглядывают и залезают в чужие гнезда в надежде утащить клочок дефицитных перьев из выстилки гнезда, подбросить свое яйцо на воспитание в чужую семью или просто оценить соседскую жилплощадь, ничуть не смущаясь тем, что под ногами потрескивают хрупкие скорлупки или копошатся крошечные птенчики.

Словом, жизнь в колонии ласточек спокойной не назовешь. Тут истинным благом стали закрытые со всех сторон гнезда-камеры, обеспечивающие хотя бы минимальную изоляцию от царящего вокруг бедлама. Обитающие в колонии птицы должны быть постоянно начеку, чтобы предупредить захват своих гнезд или повреждение их содержимого незваными гостями. С момента снесения первого яйца и до того времени, когда птенцы основательно подрастут, оба родителя — вместе и порознь — непрерывно дежурят в гнезде, круглосуточно обогревая кладку и птенцов.

Что же касается ласточек, то они вынуждены начинать насиживание уже с первого яйца и, сменяя друг друга, греть кладку непрерывно. В результате вылупление растягивается на двое-трое суток, а птенцы в выводках резко отличаются по весу и размерам, отчего старшие иной раз могут нечаянно затоптать младших братиков и сестреноч. Приходится мамаше подолгу сидеть в детской, не столько обогревая своих отпрысков, сколько ограничивая на первых порах подвижность старших птенцов.

Здесь читатель может спросить: если городская ласточка в самом деле не всегда способна добыть пропитание, а также материал и место для постройки гнезда, и вынуждена терпеть притеснения от своих собратьев, то почему эти птицы не только не вымирают, но и каждое лето в немалом количестве расселяются по городам и весям, радуя нас жизнерадостным щебетом и стремительным полетом?

В этом вопросе есть резон. Вспомним, что, помимо городов и деревень, городские ласточки уцелели только кое-где в южных горах, причем их колонии известны лишь в немногих районах, а общее число птиц, сохранивших верность исконным местам обитания, чрезвычайно ограничено. Думается, что этот вид непременно угодил бы в Красную книгу,

если бы его общая численность исчерпывалась только пригородными популяциями. Есть много оснований предполагать, что и в доисторические времена предки городских ласточек отнюдь не принадлежали к числу процветающих видов с обширной и густо заселенной областью распространения. Вполне может быть, что к моменту появления питекантропов ласточки — тогда еще вовсе не городские — и в самом деле находились на излете своей исторической траектории. Спасение принесли потомки питекантропов, которые всего за несколько тысячелетий неузнаваемо изменили ландшафты континента. Далеко к северу отступали затеняющие почву леса, и освобожденное от них пространство под солнечным жаром превращалось в грандиозную печку, которая направляла в зенит миллионы кубометров нагретого воздуха вместе с летающими там насекомыми. Повсюду росли рукотворные скалы — городские постройки, которые казались точно специально предназначенными для устройства ласточкиных гнезд. Угасающий вид получил новый шанс и, насколько можно судить, использовал его в полной мере.

В. ИВАНИЦКИЙ,
кандидат биологических наук
Рис. М. Аверьянова

ОКАЗЫВАЕТСЯ ОКАЗЫВАЕТСЯ

Труженицы-ласточки строят гнезда из тех материалов, которые находятся, так сказать, под рукой. Так, деревенские ласточки, или касатки, лепят свои гнезда из илистой или жирной земли, прикрепляя их к стене дома, карниза или балки. Береговые же ласточки просто выкапывают себе гнезда в крутых берегах и обрывах. А вот шалашники, обитающие в Австралии, строят свои гнезда в виде беседок или шалашей. При этом птицы украшают гнезда блестящими камешками, осколками стекла, раковинами, яркими цветами.

Не хуже строителей сооружают гнезда сине-черные птицы-каменщики. Они жи-

вут на севере Чили, где есть небольшие горные озера. На мелководье, недалеко от берега, эти птицы создают острова из камней. Они ныряют на дно озера, хватают клювом крупную гальку, а потом плывут с ней к мелководью и складывают в кучу, пока не появится островок. На дне озера в поперечнике он равен четырем метрам, а в высоту не менее метра. После этого на каменном основании они сооружают гнездо — солидную постройку.

Гнезда птиц-северянок отличаются от гнезд южанок. Первые больше заботятся о

тепле. И недаром в Заполярье дрозды-рябинники, трясогузки и другие пернатые строят жилье с более мощными стенами, чем такие же птицы, гнездящиеся южнее. В Исландии утке-гаге для утепления гнезда хватает 14—16 граммов пуха.

А вот сорока, пожалуй, единственная, кто ежегодно строит новое гнездо: слож-

ную теплую постройку с крышей, боковым входом, в котором выводит и растит свое потомство. Гнездятся сороки в низкорослых лесах и кустарниках, порой даже рядом с человеческим жильем. Старые свои жилища в лесу белобочка щедро дарит летным гостям. Ушастая сова, кобчик и пустельга с удовольствием занимают их и признательны сорокам за труд.

Но настоящую квартиру-дворец строят себе цапли-молотоглавы, которые обитают в Африке, Аравии и на Мадагаскаре. Гнездо этих птиц представляет собой отдельную «квартиру» со всеми удобствами. Это куполообразная постройка до двух метров в поперечнике и столько же в высоту. Входное отверстие ведет в первое помещение — «переднюю», за ней следует «гостиная» и затем «спальня». В «спальне» происходит высживание птенцов, «гостиная» служит складом всякого рода добы-

чи, заготовленной впрок. В «передней» обыкновенно дежурит один из супругов. Он немедленно дает сигнал к бегству при опасности.

А вот обитающие в Африке, южной Австралии и Азии ткачики не довольствуются традиционной постройкой птичьих гнезд. Они любят «коммунальные» квартиры, и живут в таком гнезде-«общежитии» до шести десятков птиц. Общественные ткачики вяют гнездо совместно под одной большой соломенной шляпкой огромного гриба. Снизу располагают множество отверстий — входов в отдельные гнездышки. Ежегодно ткачики в ожидании нового потомства пристраивают к старым «квартирам» новые. Все сооружение заметно увеличивается. А когда ветки дерева не выдерживают такой тяжести, птичий город падает на землю. После такой «трагедии» и переполоха колония ткачиков осваивает новое место.

Большинство птиц строят гнезда сами. Лишь немногие из них пользуются чужими

гнездами. Таковы воробьи, которые порой нагоняют из них хозяев. Но и воробьям в таких случаях достается. Рассерженные ласточки сначала пытаются выгнать непрошенных гостей, а если «новоселы» не выдворяются, ласточки, как говорят, всем миром могут навсегда замуровать комочками влажной глины гнездо, превратив его в склеп, и тогда воробью — крышка.

Но самое капитальное гнездо у орлана. Эта крупная и хищная птица, ставшая национальным символом США, строит себе и соответствующее гнездо. Гнезда орланов бывают до двух метров в поперечнике и высотой более метра. У белоголового орлана гнездо имеет диаметр два

с половиной метра и высоту около четырех метров. Весит такое «гнездышко» около двух тонн.

Гнездо птице построить так же трудно, как и человеку дом. И тут случаются курьезы, сродни человеческим. В семьях птиц тоже, оказывается, бывает не без урода. Вот однажды какую любопытную картину из жизни пернатых пришлось наблюдать весной. Был теплый солнечный день. Грачи занимались постройкой гнезд, прилетали и улетали, приносили в клювах мелкие сухие ветки и старательно укладывали их.

Только одна пара грачей никуда не улетала, но гнездо себе строила. Выбрав момент, когда соседи отлучались, эти грачи похищали у них уже уложенные «стройматериалы» и переносили в свое гнездо. Так продолжалось до тех пор, пока это не заметили хозяева разоряемых гнезд. Раздались их громкие тревожные крики. Собравшись большой стаей, они набросились на гнездо расхитителей и стали растаскивать его, возвращать назад украденное. За несколько минут ворованного гнезда не стало.

«Пострадавшая» пара грачей отлетела в сторону, села на верхушке большого дерева и все время молча, вниовато наблюдала за происходящим. А потом улетела в лес. Остальные грачи долго не могли успокоиться, поправляли уложенные ветки...

Так что птицы-воровки пытаются построить себе гнездо за счет чужого труда, но все же большинство их строят сами себе уютное гнездышко. У птиц семейных и жилищных забот тоже хватает!

Рис. Г. Кованова

ТРУЖЕНИЦА-ОСТРОУШКА

Когда и где именно впервые появилась рядом с человеком подвижная пушистая собака на высоких ногах, покрытых короткой

шерстью, со стоячими остроконечными ушами и закрученным в кольцо хвостом, сказать с достоверностью невозможно. Но

доподлинно известно, что среди множества пород такая остроушка ближе всех стоит к волку, а потому относится к наиболее

древней группе домашних собак. Похожее на волчье строение ее головы, сухая клинообразная морда, некрупные стоячие уши, волчий тип шерсти, небольшое, по сравнению со многими другими собаками, количество приносимых щенков, которых остроушки зачастую рожают — как волки — раз в год. Группа эта обширна, объединяет сегодня множество пород, каждая из которых, конечно же, имеет свои особенности экстерьера. Однако всю группу в целом объединяет сходный внешний вид. Эти собаки с глубокой древности были незаменимыми помощниками народов лесной зоны Европы и Азии. Нередко их так и называли. — остроухие собаки Севера. Они были не просто по-

мощниками, но участниками всех сфер хозяйственной деятельности человека.

Остроухие собаки служили тягловой силой — их впрягали в нарты, они перевозили грузы и людей, совершая порой многокилометровые и многоневные переходы по снежной целине в суровых условиях Севера. К ездовым собакам человек нередко приливал кровь волка, стремясь получить более выносливых, сильных помощников, умеющих хорошо приспосабливаться к тяжелой работе в трудных условиях. Упряжка сработанных ездовых собак всегда ценилась очень высоко. Не уменьшилась ее значимость и сегодня. Так развивалось ездовое собаководство.

Помогала остроушка и охотнику. На огромной территории это была практически единственная группа собак, с которой добывали и крупных копытных зверей, и медведя, и глухаря, и уток. Собака помогала выжить человеку, добывать пропитание охотой вместе с ним. Хороший охотничий пес был достоянием семьи и племени. Со временем развивался пушной промысел — охота на ценных пушных зверьков. Дорогостоящие меха и сегодня называют мягким золотом, они издревле использовались как эквивалент денег. Охотники-промысловики обменивали драгоценные шкурки на жизненно необходимые промышленные товары, в том числе на оружие и порох. На пушной промы-

сел охотник уходил в тайгу на долгие недели, и человек, и собака жили в лесу, в охотничьих избушках бок о бок — два товарища, два охотника, каждый из которых знал и делал свое дело, понимая друг друга с полувзгляда...

От охотничьей остроушки требовались необыкновенная выносливость, острое чутье, слух, зрение. Она умела найти мелкого зверька в густой кроне и по глубокому снегу преследовать его, перемещающегося с дерева на дерево. Внимательная опытная собака никогда не вспугнет чуткого зверька, затаившегося среди веток. Она тихо подойдет к дереву, привстанет на задние лапы, а передними осторожно поскребет ствол — если зверек на дереве, он обнаружит себя, а тогда уж дело за собакой. Такая проверка называется «проба на коготок», а сам промысел на ценных пушных зверьков — «белкование» (от слова «белка») или «соболевка» (от слова «соболь»).

Охотник и собака в зимней тайге — одно целое. И все у них общее. Еда, тепло... Нередко собака становится единственным источником тепла, и охотник, обнимая ее, согревается. И человек спасает собаку в беде и не считается с опасностью для себя, а уж о собаке и говорить нечего.

Охотничья остроушка — поистине универсальная собака. Веками культивировались человеком ее охотничьи качества. Нередко использовали ее и как сторожа, но это не было ее основной специальностью. Так развивалось охотничье

собаководство в географической зоне таежных лесов Европы и Азии.

Северные народы издавна занимались оленеводством. И какая же еще собака, как не остроушка, помогала пасти и охранять, сопровождать при перегонах и разыскивать оставших оленей. Она выполняла пастушьи обязанности в таких же суровых условиях. Эти собаки получили название оленегонных. От них тоже требовалась выносливость, ловкость и, конечно, сообразительность. Зачастую только сама собака может решить, как нужно правильно действовать, как рациональнее поступить. Оленеводство — до сих пор основная отрасль животноводства для многих народов Севера. Так развивалось оленегонное собаководство.

Остроухие собаки Севера. В этом названии — вся информация о большой группе пород: и хозяйственное использование, и многочисленность «профессий». Они живут и работают в суровом климате, находясь круглый год на открытом воздухе там, где зима продолжительна, холодна и снежна. Во время работы зачастую испытывается недостаток в корме — использование собак связано с длительными пребываниями в тайге, переходами со стадами оленей, передвижениями в упряжках. В таких жестких условиях могла выжить далеко не каждая собака.

Шел как бы стихийный отбор, и условия сами диктовали свойства и качества собак. Остроушки ближе других своих сородичей стоят к природе — процесс

одомашнивания сказался на них в значительно меньшей степени, а их организм сохранил много дикого, волчьего. Эти собаки в два раза лучше и полнее остальных усваивают пищу, могут переносить длительное недоедание и даже голодание, быстрее других восстанавливают затраченные силы. Умеют они приспосабливаться и к критическим погодным условиям — сильным морозам и жаре. И не только неплохо себя чувствуют при этом, но и сохраняют работоспособность.

Характер остроушки «ковался» тоже в непростых обстоятельствах. С одной стороны она круглый год живет на открытом воздухе. Это так называемое вольное содержание, когда собака большую часть времени предоставлена самой себе. А с другой, идет отбор только по ценным для человека охотничьим или иным качествам. Остроушки стали очень самостоятельными, в высшей степени сообразительными собаками с достаточно мягким, покладистым характером, послушными и преданными.

На всей огромной территории, где используются такие собаки, требования к их охотничьим и иным качествам примерно одинаковы. Кроме того, работают они преимущественно в сходных географических условиях, да и содержат их примерно одинаково. Вот откуда оно — большое внешнее сходство всех остроушек, живущих далеко друг от друга, в разных странах и даже на разных континентах. Это собаки среднего роста, с заостренной мордой, стоячими, треугольной формы ушами и

загнутым в кольцо хвостом. В нашей стране собаководы по-разному называют такой хвост: кольцо, бублик, в тугом завитке. Хвост прижат к бедру или спине. Шерсть густая, прямая, относительно длинная и грубоватая. Снизу «подбита» мягким плотным подшерстком, что делает шубу собак и морозоустойчивой, и влагонепроницаемой, и предохраняющей от перегрева. На голове, ушах и ногах шерсть короткая, плотно прилегающая, а по сторонам головы образует «баки».

Таковы сходные черты всех остроушек. Однако в разных странах созданы свои породы, и они отличаются размерами, окрасом, некоторыми деталями экстерьера, есть различия и в поведении. В Европе собаки этой группы разводятся в Скандинавских странах — Финляндии, Норвегии и Швеции, а также в Северной Европе — Гренландии и Исландии. По классификации, при-

нятой Международной кинологической федерацией, эти собаки объединены в группу, называемую «шпицеобразные». Европейские шпицеобразные в подавляющем большинстве — рабочие собаки, используемые преимущественно как охотничьи. Их названия говорят сами за себя: карельская медвежья собака, разводимая в Финляндии как заводская порода с 30-х годов; норботтенский шпиц, получивший название от наименования северной шведской провинции и используемый для охоты на птиц; норвежская серая лосиная собака; черная норвежская лосиная собака; большая шведская лосиная собака; норвежский бухунд, выведенный для охоты на мелких пушных зверьков; люнне — охотничья порода шпицев, выведенная в Норвегии специально для охоты на морских птиц — тупиков; гренландская ездовая собака, используемая главным образом для

работы в упряжках (но гренландские эскимосы нередко прибегают к помощи этих собак для добычи белых медведей); исландская пастушья собака (хотя и относится к группе шпицеобразных, у себя на родине используется для пастьбы овец), лапландская оленегонная собака.

Все эти породы относятся к разряду немногочисленных, и распространены они преимущественно у себя на родине, в других странах или неизвестны, или известны мало. Причина тому одна: в тех странах, где могли бы использоваться эти собаки, есть свои национальные породы сходного предназначения.

Имеются шпицеобразные и в Японии. Это три очень сходные разновидности, различающиеся только размерами. Самая крупная из них — акита-ину. Название породе дала провинция Акита. С этой собакой охотились в основном на крупных зверей — оленей

и медведей. Акита сыграла значительную роль не только в развитии охоты в Японии, но кинологии в целом, поскольку еще в VI веке японцы основали клубы этих собак, дабы поддерживать и развивать охотничьи качества акиты. Члены клубов составляли целые своды советов по выращиванию, содержанию, обучению этих собак и охоте с ними. А с XV века в Японии стали вести родословные книги акиты, где собирали и записывали сведения о происхождении собак, особенностях внешнего вида. Сейчас акита-ину используется чаще как сторожевая, чем как охотничья собака. Она хорошо известна в Европе и Америке.

В группе шпицеобразных выделались и стали популярными декоративные

карликовые породы. Их немного, но по своей численности они не уступят, пожалуй, всем остальным европейским породам. Самый мелкий из них — карликовый шпиц. Его вес не превышает двух с половиной килограммов, вес миниатюрного шпица не должен быть больше 3,5 килограмма. А рост большого шпица большим назвать можно только условно — 40 сантиметров в холке. Белоснежный японский шпиц — очаровательная декоративная собака, рост которой также не превышает 40,5 сантиметра.

В нашей стране шпицеобразные собаки имеют свое название — лайки. Самые распространенные, самые любимые, самые многочисленные охотничьи собаки. Целая отрасль собаководства называется

«лайководством». И хотя официальные названия четырех разводимых у нас пород лаек существуют немногим более сорока лет, лайка для России — собака национальная. Так же, как и борзая, и гончая.

В бескрайних северных и таежных просторах России лайка издревле используется и как ездовая, и оленегонная, и охотничья. Ни одна охотничья собака не имеет столько «профессий», сколько лайка: медвежатница, берложница, лосятница, кабанятница. Собирательное название этих профессий — «зверовая лайка». Бельчатница, соболятница, куничница, а все вместе — «мелочница» (работающая по «мелочи», мелким зверькам) или «пушная лайка» (работающая по пушным зверькам). Глухарятница, тетеревятница, утятница (а общее название «птичница», то есть работающая по птице).

Есть лайки, которые хорошо работают по «мелочи», другие «увлекаются» работой по крупному зверю, третьи ловчей находят птицу. Но у всех этих собак так сильно развит охотничий инстинкт, что при необходимости они будут работать практически по любому объекту. Это удивительное качество называется универсальностью. Но, обладая широким профилем в работе, лайки все равно остаются специалистами в своем деле, чем бы ни занимались. Это отличает российскую лайку от всех зарубежных. Да и просторами, где нужна такая охотничья собака, Россия тоже отличается. Столь уникальная охотничья лайка мог-

ла появиться только в нашей стране. Уникальность отечественной лайки оценили многие собаководы за рубежом. Щенков русско-европейских и западносибирских лаек с удовольствием приобретают охотники Польши, Болгарии, Чехии...

Лайкоподобные остроухие собаки издавна существовали на русском Севере и в таежных районах страны. Практически все народы, населявшие эти районы, имели сходных собак. Географическая изоляция позволила сохранить местные разновидности лаек в относительной чистоте, что создавало у этих групп некоторые разновидности экстерьера. Поэтому российские кинологи конца прошлого века считали, что лайки в России делятся на «географические» породы — по месту обитания. Так, известный русский кинолог князь А. А. Ширинский-Шихматов писал о существовании карельской, марийской, тунгусской, удмуртской и некоторых других лаек. Кинологическое совещание 1939 года принимает пять временных стандартов лаек, описанных по этнографическому принципу.

В годы войны число лаек в стране сильно сократилось, качество собак резко ухудшилось.

В 1949 году утверждаются стандарты на четыре породы лаек.

Западносибирская лайка — результат слияния местных групп остроухих собак Северного Урала и Западной Сибири. Рабочие собаки этих групп издавна отличались крупным ростом, великолепной шерстью и эффектным внешним видом.

Русско-европейская лайка образовалась от сведения кровей близких групп лаек русского Севера: архангельской, коми, карельской и других. Это собака среднего роста, с живым темпераментом, легкими движениями и очень нарядным черно-белым окрасом.

Карело-финская лайка — самая мелкая из отечественных пород. А яркий однотонный окрас, заостренная морда и пушистый хвост делают ее похожей на лисичку.

В основу стандарта вос-

точносибирской лайки положено описание амурской лайки. Это самая молодая заводская порода отечественных лаек. Среди них много собак, разных по типу, да и по численности.

Ездовое собаководство имеет и спортивное направление. Гонки на собачьих упряжках — увлекательный и достаточно массовый вид спорта, распространенный за рубежом, в северных штатах США.

М. МУРОМЦЕВА
Фото А. Иолиса
и А. Калашникова

Когда-то в нашем саду стояла раскидистая яблоня. Яблочки на ней висели на длинных плодоножках по нескольку штук вместе и были не больше мелкой вишни. Всю осень они были жестки. Но ударили морозы — плоды становились мягки и сладки.

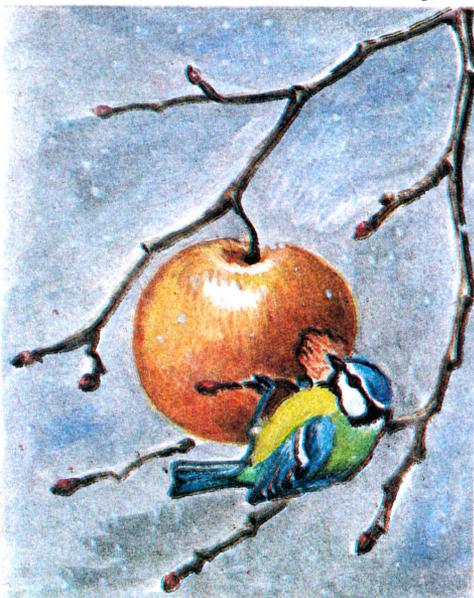
Ох как много прилетало птиц зимой на старую яблоню.

Первыми появлялись дрозды-рябинники. Рассядутся в кроне, зашумят, закачаются на упругих ветках, жадно клюют плоды. А потом слетят вниз и истопчут весь снег, подбирая оброненные яблочки.

Иногда залетали дубоносы. Эти птицы держались солидно и тихо. Сидят. Молча пережевывают плоды. И не поймешь, что их больше привлекает — то ли сладкая мякоть, то ли мелкие семечки.

С наступлением настоящих холодов над садом раздавался мелодичный звон, и над деревьями появлялись стайки быстрокрылых свиристелей. Они усаживались на голые вершины тополей, наполняя сад звонкими голосами. Затем скопом падали

Синица-лазоревка.

на рдевшую плодами яблоньку. Эти работали методично. Сначала склевывали плоды на вершине дерева. Потом спускались пониже. Несколько дней они пировали, пока не собирали весь урожай. А потом уносились дальше.

А на окраине сада росла и кустилась недавно высаженная заморская гостья — арония, или, как ее чаще называют, черноплодная рябина, или просто черноплодка.

Ее посадили из-за вкусных и полезных плодов. Они регулируют кровяное давление. Из них можно варить необыкновенное по вкусу варенье.

Уже на молодых ветках появились первые грозди черно-лиловых крупных ягод. И я был доволен, не столько предвкушая сладость варенья, сколько надеясь, что скоро вновь появятся в саду птицы.

Но и тогда, когда разросшиеся кусты стали давать стабильные урожаи, птицы не спешили к нам. Дрозды и свиристели пронеслись над садом и дружно опускались в те сады, где знакомо краснели кисти наших российских рябин. Видимо, пернатые гурманы не были знакомы с новым лакомством.

А отягощенные ветви аронии низко склонялись к сугробам. Лишь к середине зимы, когда в других садах подъедались запасы съедобных плодов, стаи голодных птиц удостаивали вниманием и нашу черноплодку.

Однажды опустились на куст галки и, поклевав немного, улетели. Бывали здесь и свиристели, но почему-то клевали плоды не слишком охотно.

А в прошлом году впервые за все время ягоды черноплодки были съедены чуть ли не за один день. Меня в ту пору не было в Москве, и я не знаю, какие птицы наконец-то вернулись распробовать вкус плодов этой культуры, вывезенной из Америки в 50-х годах.

Стал я отмечать птичьи пристрастия. Какие деревья и кусты частенько посещаются птицами.

Оказалось, что нет ничего притяга-

тельнее для птиц, чем наши отечественные рябины. В урожайные годы возле рябиновых деревьев собирается много различных почитателей ее горьковато-терпких плодов. Это и разные виды дроздов, и свиристели, и снегири, и зеленушки. Любят рябину вороны. Даже такая птичка, как ополовник, бывает, начинает обклеивать мерзлую ягоду. Одни птицы используют мякоть, другие выбирают семена.

А в лесу на рябины прилетают и рябчики, и тетерева. Да и четвероногие охочи до рябиновых ягод. Гнет и ломает рябиновые кусты медведь, дотягиваясь до лакомства. Взбирается на дерево за вкусными плодами куница. Подбирают сброшенные птицами ягоды мыши, зайцы, лисицы и даже волки.

Нравится пернатым и вкус яблоч. Правда, крупные плоды для них неудобны. Потому лишь иногда дрозды и скворцы доставляют неприятности садоводам, обклеивая спелые яблоки. А зимой мерзлые плоды, случайно оставленные на дереве, привлекают внимание синиц. Эти птички проклеивают в боках яблок глубокие дырки. Большая мастерица в этом деле — синица-лазоревка.

А вот яблони с мелкими плодами, которые можно глотать целиком, весьма охотно посещают разные птицы. Как-то в Москве я видел на такой яблоне даже щуров.

Облепиха, которая пользуется популярностью у наших садоводов, пришлась по вкусу и птицам. Так что приходится охранять ее урожай.

Нравятся пернатым и продолговатые плоды барбариса. Для человека они кисловаты. Да и собирать его с колючих кустов трудно. Много мелких ягод остается на кустах. Если их не трогать, они могут провисеть всю зиму, привлекая броской окраской пернатых вегетарианцев. Плоды барбариса вкусны не только таким известным лакомкам, как дрозды и свиристели, но и славкам.

Частый гость садов и парков — шиповник. Любят дикую розу за красивые цветы и сладкий аромат. А зимой кусты шиповника радуют глаз многочисленными продолговатыми плодами, яркими рубинами горящими на фоне снегов.

Плоды этого колючего кустарника, хотя и не очень охотно, едят свиристели. Разжевывают мякоть, добираясь до семян, снегири и зеленушки. А в лесах в годы

Свиристели на аронии

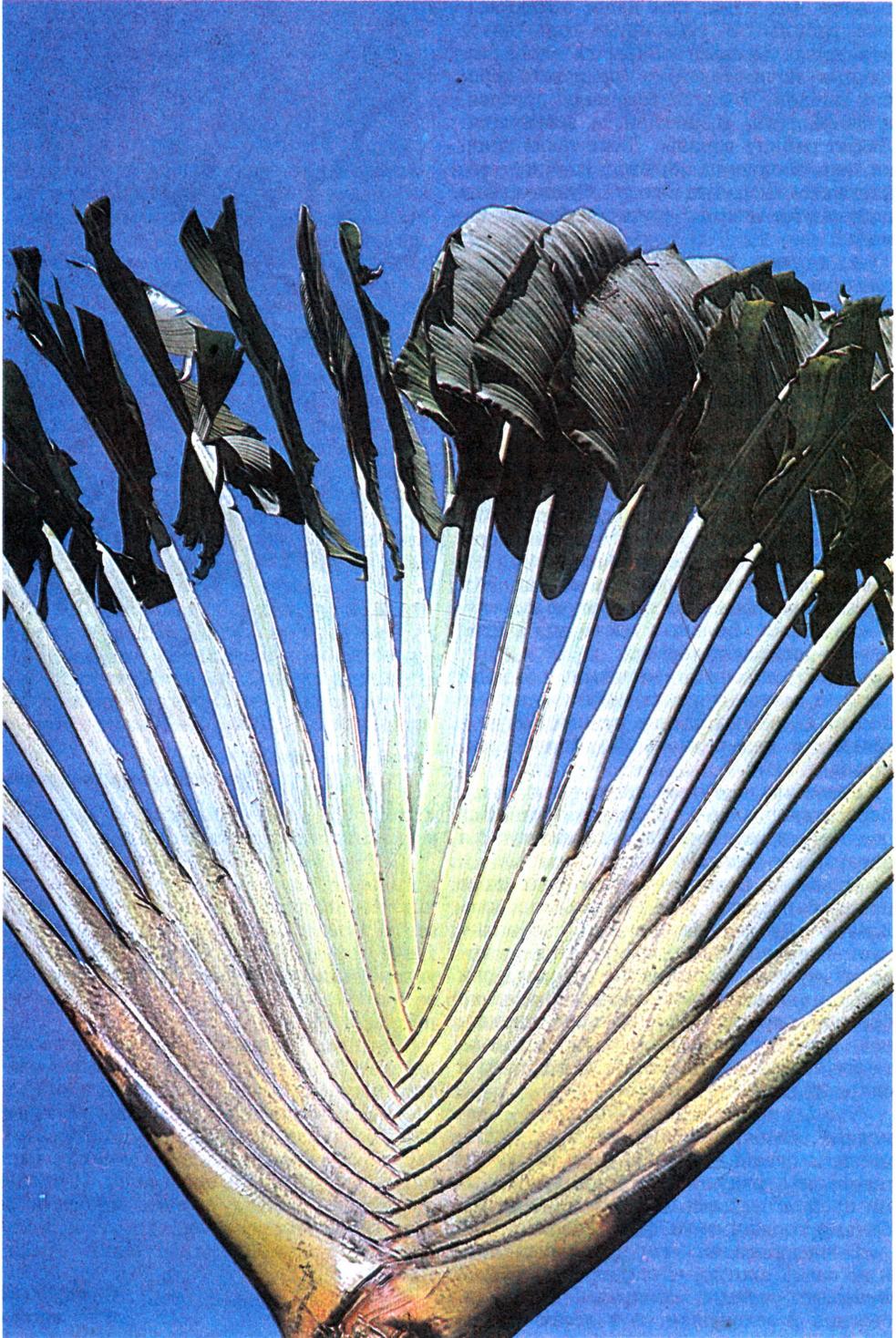
плохого урожая других ягод на шиповнике кормятся тетеревиные птицы.

Сейчас у многих появляются свои дачи и садовые участки. Какие только растения не пытаются выращивать на своей земле любители-садоводы и огородники! Даже в средней полосе возле жилья особо увлеченных садоводов можно увидеть экзотические лимонник и актинидию, виноград и съедобную жимолость.

Помимо овощных культур, плодовых деревьев и кустарников немало высаживается цветов и декоративных растений.

Хочется пожелать, чтобы вы не забывали о птицах и подбирали для посадок такие растения, чьи плоды помогут пернатым в трудную зимнюю пору. И птицы не только оживят своими голосами и своим присутствием ваш сад, но и помогут очистить плодовые деревья от вредителей.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

РАВЕНАЛА, ВЕЕР МАДАГАСКАРА

В огромном разнообразии растительного мира встречаются очень знаменитые, яркие, незабываемые растения. Именно к таким и относится равенала — дерево путешественников. Многие ботанические сады гордятся тем, что в их коллекциях имеется это оригинальное растение. Чем оно знаменито, почему так называется?

Растет оно только на Мадагаскаре. На севере этого большого острова среди болот равенала образует большие рощи. Незабываемое зрелище открывается перед взорами путешественников. Рядами стоят высокие, до 15 метров, огромные веера. Именно такой формы равенала. В гигантском веере 20—30 листьев, собранных в пучок. Листья отходят от верхушки ствола и простираются в разные стороны. Каждый лист имеет форму ладьи на длинном черешке. Но правильной формы у ладьи нет. Лист разорван на полоски и колыхается при каждом дуновении ветра, что и создает особую оригинальность этому огромному вееру.

Молодые листья, только-только начинающие расти, скручены в трубку. По мере роста трубка разворачивается. Так же начинают расти листья у банана — родственника равеналы. Плоды равеналы несъедобны, а вот семена используют в пищу.

Итак, большая трубка разворачивается и лист-ладья раскрывается. Но жилки листа слабые, ветер треплет их, разрывает. Подобно множеству флажков, развевающихся на ветру.

Очень интересны большие черешки равеналы, расширяющиеся в основании и прилегающие друг к другу. В широком раструбе в основании листа собирается вода. Первые путешественники, обнаружившие огромную равеналу, решили, что вода в резервуаре может утолять жажду в тропическую жару, и поэтому называли равеналу деревом путешественников. Но пить воду из этих природных резервуаров ни в коем случае нельзя. В ней множество микроорганизмов, поселяются там и пьют

с удовольствием эту воду и многочисленными земноводными — лягушками, ящерицами.

Главная достопримечательность равеналы, конечно, ее листья. Но и цветки ее тоже интересны. Вырастают они в основании листьев. Соцветия по размерам достигают полутора метров. Белые нежные цветки похожи на клювы — в основании цветков прицветники сжимают цветки. Цветки с секретом. Тычинки, зажатые лепестками в момент освобождения, выскакивают, подобно взрыву, и начинают пылить. Такой механизм встречается у различных видов, но у равеналы он особенно интересен тем, что высвобождению тычинок способствуют маленькие птички колибри — нектарницы, — собирающие обильный нектар. Такие цветки называют протандричными. Нектарницы у равеналы трудятся даром. Нектара здесь очень много. Он наполняет всю ладью — основание цветка.

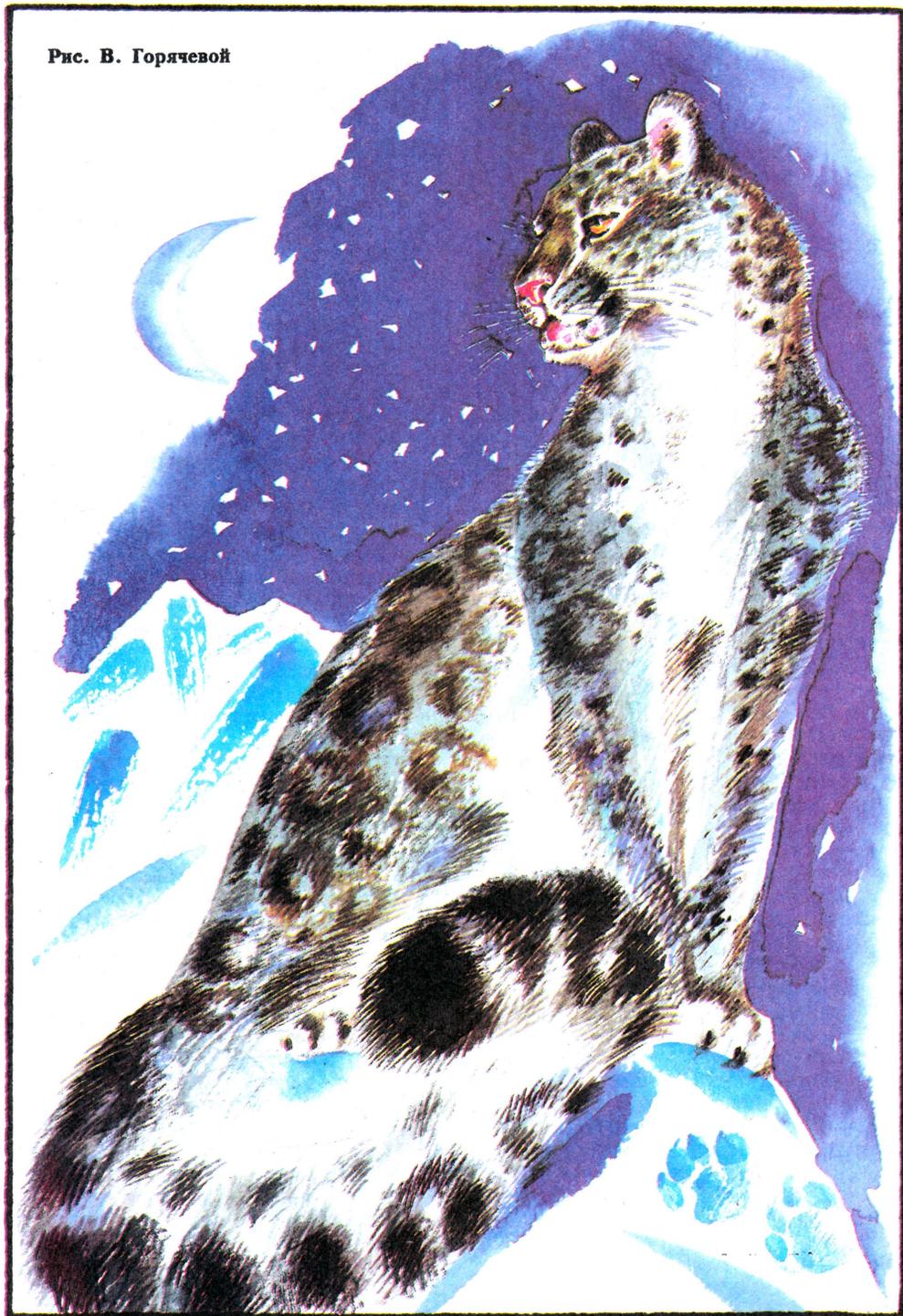
Есть у равеналы и близкая родственница, которую в последние годы все чаще разводят в оранжереях. Это стрелиция. Размеры ее куда меньше равеналы. Стрелицию разводят в кадках и горшках. А цветки ее по форме напоминают головку редкой птицы. Устройство их такое же. В основании цветка прицветники сжаты и образуют «клюв» птицы, а наверху хохолок — лепестки. Клюв — фиолетовый, лепестки — желтые. Такое контрастное сочетание цветов и привлекает птиц, которые летят к ярким цветкам собирать нектар, чем способствуют взрыву пыльцы и ее быстрому распространению.

Интересно и то, что стрелиция произрастает далеко от своей знаменитой родственницы — на юге Африки. Так интересна и прекрасна стрелиция, что назвали ее королевской.

А на Мадагаскаре высокие стволы равеналы используют для постройки жилищ и как топливо.

М. МАЗУРЕНКО,
доктор биологических наук
Фото Е. Сумленовой

Рис. В. Горячевой

Записки натуралиста

КРИК В НОЧИ

Произошло это недалеко от маленького кишлака, затерянного в горах Памира. К кишлаку по не очень крутым, но огромным — до неба! — склонам вела тропка-ниточка: только она и связывала кишлак с остальным миром. В двух километрах от кишлака тропа пересекала последнее перед жильем ущелье: узкое, каменистое, с ярусами скал вверх. Особенно глухим это ущелье было зимой, когда снег засыпал каменные осыпи и скальные карнизы. Мрачное это ущелье, как это часто бывает в пустынных горах, вызывало у жителей недоверие и настороженность. Пастухам там нечего было делать, охотники побаивались частых оползней и обвалов: горы тут нередко вздрагивали от подземных толчков. Ущелье поэтому знали мало, а все незнакомое рождает недоверие, домыслы, страхи. Редкие, побывавшие в нем охотники возвращались, так и не проникнув в верховье: одному что-то такое послышалось, другому померещилось. Старики же прямо говорили о диких людях, голуб-яванах, которые будто бы жили в глухих горах. Рассказы их, правда, не принимались всерьез, но открыто и не высмеивались: мало ли что в горах может быть. Живут же в горах дикие козлы и бараны, дикие курицы-кеклики и дикие индейки-улары; почему бы не жить там и диким людям!

Однажды в конце зимы, в глухую пору, когда жители кишлака и из домов выходили нечасто, из соседнего, но далекого кишлака по тропинке-ниточке явились люди по какому-то неотложному делу. Были они взбудоражены, хоть и пытались подсмеиваться над собой. Оказалось, что, пересекая последнее перед жильем ущелье, уже в плотных сумерках они услышали вдруг непонятные крики: кто-то громко, но хрипловато окликал их с заснеженных скал! И не понять было: то ли к себе звал, то ли отпугивал? Но самое непонятное: кричать-то в ущелье сейчас было некому!

Крики в замороженной тишине гор слышны были до малейшей их интона-

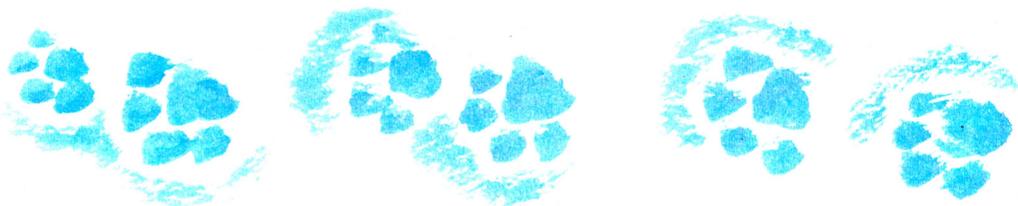
ции: голос означал что-то, словно бы вопрошал. Но совершенно был незнаком.

Пока путники пересекали ущелье, крик повторялся время от времени — крутые скалы усиливали его. Голос из промороженного ущелья, в котором, конечно же, не могло быть людей, породил трепет перед неизведанным: кричать было некому, а кто-то кричал! Пришлым хорошо были знакомы все голоса гор: козлы и бараны фыркают, улары тягуче свистят, кеклики квохчут, волки воют. Медведь сейчас в берлоге спит, а филину еще не пришла пора кричать, да и кричит он не так, словно в бочку бубнит пустую. Этот же голос был похож на вой и порывивание, кричал кто-то, будто напряжинивал горло: зазывая и отпугивая.

Перепуганные путники рассказом своим всполошили весь кишлак. Все говорили о них, старики вспомнили о голуб-яванах: ага, мол, не верили нам, молоко-сосы, а что теперь скажете?

Утром молодые не утерпели и решили проверить следы в ущелье. Взбудораженные рассказом пришельцев и подначками стариков, они стоворились пойти чуть свет, благо ущелье было почти рядом. Но пока собирались утром, пыл как-то сам собой поостыл, запал вчерашний поутих, у многих появились вдруг неотложные дела и заботы, так что скоро идти на проверку стало почти некому. И пришлые из соседнего кишлака домой тоже не торопились. Так и промаялись все до вечера, уговаривая то себя, то других. И когда наконец местные решили проводить пришлых до ущелья, сумерки уже опускались на горы. Пошли скопом по узкой тропе, подбодряя себя громкими разговорами, смехом и шуточками. Но очень скоро мрачное величие и тишина заснеженных гор, огромность горных склонов, уходящих в мутнеющее вечернее небо, приглушили их натужную веселость и оживленность. Слишком уж неуместны были среди великого молчания гор и неба. И скоро слышалось лишь задышное дыхание спешащих людей да скрип снега под их ногами.

Вот и ущелье. Оно начинается у тропы

и уходит к вершинам гор. По сторонам крутые скалистые склоны, уходящие в темнеющую глубину, черные с белым грани скал; тянет из него холодом склепа. И доверху залито тишиной.

Тут местные распрощались с пришлыми: местные стояли и смотрели им вслед, пока фигурки уходящих не скрылись за поворотом. И тут все услышали настоящую тишину, от которой зашумело в ушах: так шумит большая морская раковина, если ее приставить к уху. Все стояли и ждали. В темном небе замерцала первая звездочка, перечеркнул небо горящий метеорит, из ущелья тянуло холодом космоса.

Делать тут было нечего, и уже развернулись идти назад, как из глубины ущелья, из его промороженных мертвых скал доносится тот самый непонятный зов, который так всполошил соседей! Хрипловатый, но сильный голос, помноженный гулками скалами, прозвучал раз и два, разрушив тишину ночного ущелья. Всех передернуло от него: такого голоса не было ни у одного обитателя местных гор — ни у одного! Но кто-то же окликал их, кто-то же звал! И это больше всего пугало.

В кишлак возвращались торопливо и молча. Крик из ущелья время от времени доносился, но все реже, все дальше и тише. В кишлаке решили ничего не рассказывать, но, конечно, не утерпели. Думали — все снова всполошатся, загалдят и завспоминают, но все как-то странно притихли, словно только теперь поверили окончательно и вчерашнее уже не считали розыгрышем. А что, если и в самом деле голуб-яван? Его обсуждать было не принято...

Кишлачок, курясь сладким кизячным дымом, утонул в ночи среди огромных гор под черным бездонным небом. Вселенский холод и вселенская тишина укрывали его с головой.

Утром те же парни с одним ружьемом на всех отправились в то же ущелье. Хоть и не ждали днем услышать ночные крики, но зато при свете надеялись на следы.

Раз кто-то кричит с разных мест, то должен этот «кто-то» иметь ноги, чтобы передвигаться. А ноги должны оставлять следы: следы и расскажут, кто пугает всех по ночам.

Кто ходил зимой по горам, тот знает, как это непросто и трудно. По горам и летом-то нелегко ходить, а тут еще снег, лед — скользко! Да кручи, да камни, да скалы — и ты, как неловкий жучок на отвесной стене!

Дюжина шагов — и одышка, вновь карабкаешь — и снова одышка. А по сторонам крутые скалы с белыми пятнами снега, заснеженные карнизы и щели. Струйки, ручьи, а то и водопады сыпучего снега то и дело шуршат по отвесным стенам от переменчивых сквозняков. И хочется бросить все, сползти поскорее вниз и отправиться к дому.

Еще бы чуть, так бы все и случилось: махнули бы на следы рукой и повернули к дому. Уговорились добраться до первого поворота, а когда добрались, за ним и увидели на пологом склоне следы: не архарьи, не козьи, не человеческие, а... кошачьи! Только кошка была, по следам судя, ростом с большую собаку. Эти следы горцам были уже знакомы: думали найти следы снежного человека, а нашли следы снежного барса! Следы его знали, а вот крика не слышали никогда. Очень уж редок барс в горах, да и голос подавать совсем не охоч, да и подает его только в конце зимы, когда в горах людей не бывает. Тогда у него время свадеб — как у мартовского кота. И скалы для него, что для кота крыша: там они устраивают свои концерты!

Звучит крик-призыв, заявление о себе: услышать его можно только в самых глухих местах.

Что кричал ночью барс — теперь горцы не сомневались: кому же еще кричать? Да и следов других больше нет.

Уж не эти ли редкие зимние позывы снежного барса породили легенду о снежном человеке? Вот как крики филина в наших лесах породили лесного лешего?

Кто может знать: ведь в глухих местах, да еще и ночью, случайный путник чувствует себя беспокойно и неуверенно: что угодно может ему показаться.

Весь год неслышно и невидимо живет в горах снежный барс. И только на исходе зимы начинает кричать по ночам, будоража застылую тишину. Бродит по снежным обрывам от ущелья к ущелью — и зовет. Надеясь, что когда-то ему отзовутся: так барсы находят пару.

Ночь, свечение белых снегов, темные провалы оледенелых ущелий и седой от мороза могучий зверь, посылающий в пустоту свой зов, зов любви. От которого у людей мурашки по всему телу!

Н. СЛАДКОВ

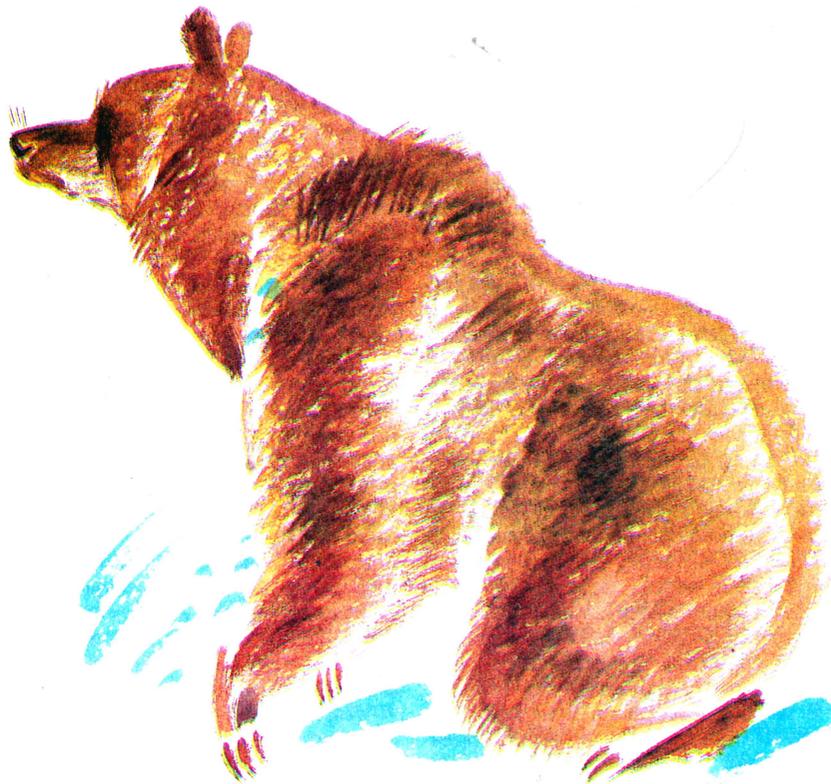
ШАТУН

На одном из отдаленных участков лес-промхоза в Онежском районе Архангельской области лесорубы подняли из берлоги медведя. Такие случаи теперь нередки.

Мало осталось на Европейском Севере тихих мест, куда бы не проникал человек.

Устроит медведь берлогу где-нибудь у выворота поваленной ветки ели в глухом «медвежьем углу», заляжет в ней, а оказывается, что этот лесной отъем отведен под рубку. Среди зимы на лесной делянке при рубке леса громкие голоса людей, жужжание механических пил, тракторов и падение великанов-елей разбудят лесного отшельника и заставят его покинуть нагретое логово. В пылу работы лесорубы даже не замечают, когда уйдет зверь. Лишь потом они обнаруживают покинутый медвежий дом и след хозяина, ведущий в чашу, а иногда и этого не заметят.

Если медведь в мороз и глубокоснежье лишится берлоги, ему трудно подыскать подходящее место, где бы доспать до весны. Приткнется он где-нибудь под завалом, а заснуть не может: то снег начинает подтаивать — холодная вода под бок подтекает, то дерево от ветра качается и скрипит, а то еще хуже — бульдозером рядом дорогу прочистят, и на ней круглые сутки рычат тяжелые лесовозы. Так

переходит медведь с места на место и превращается в бродягу. Такого зверя издавна называют шатуном. То тут, то там люди замечают его следы, но встречи с ним избегают. Шатун — зверь голодный, раздражительный, и шутки с ним плохи.

Дело в том, что во время зимнего сна, когда медведь лежит в берлоге без движения, температура его тела снижается, сокращается частота пульсации сердца, дыхание значительно замедляется — всего несколько вдохов в минуту, и то с большими перерывами. В таком состоянии организм зверя весьма экономно расходует запас жира, накопленный на обильных осенних кормах, и его хватает до весны. Но если медведь поднялся из берлоги и начал бродить, организм требует пищи и ему необходим корм. Добывать же корм из-под снега зимой этот зверь совсем не приспособлен. Ягод и грибов нет, муравьев и других насекомых под глубоким снегом не разыщешь, корешков из замороженной земли не выкопаешь. Поневоле приходится шатуну присматриваться к крупной дичи, а ее промыслить не так-то просто.

Ранним утром иду на лыжах через лесную делянку и вдруг слышу — кто-то окликает меня. Осмотрелся. Посреди вырубки в низине стоит трактор, а рядом тракторист рукой машет и что-то мне кричит. Подхожу, здороваюсь. Оказывается, вчера после работы оставил здесь трактор, а нынче вокруг него весь снег вытопан и ближайшие кусты лосями изъедены. «Что это, — говорит тракторист, — или в тайге места мало? Только к машине подходить стал, лоси вскочили. Что их под гусеницы несет?»

Я осмотрелся кругом — действительно возле самого трактора лоси кормились, а рядом с дорогой две лежки — большая и поменьше — отдыхали, видно, лосиха с лосенком. Что их сюда привлекло? Внимательный осмотр следов дал ответ на недоуменный вопрос: лосей преследовал шатун. Обойдя лесосеку кругом, я обнаружил следы и лосей, и медведя, и по этим следам прочел целую историю.

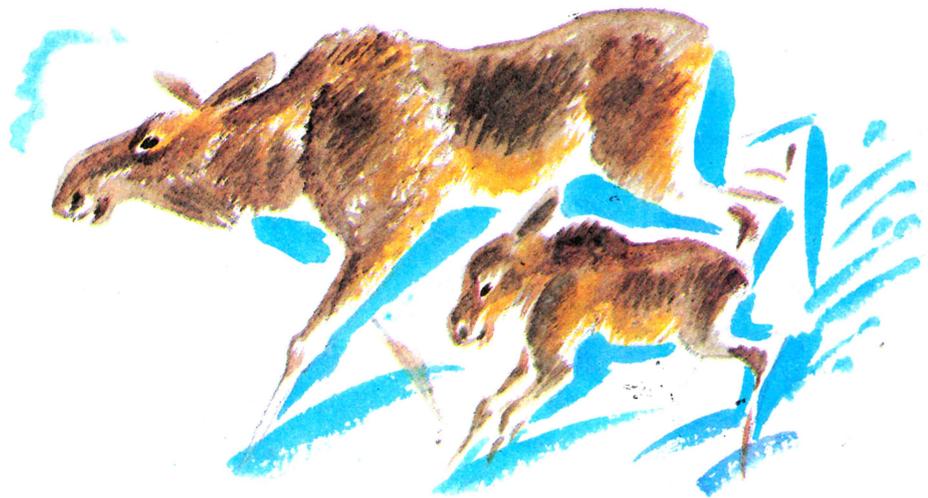
На берегу лесной речки Вонгуды среди ивняковых зарослей было лосиное стойбище. Что такое стойбище, я сейчас объясню. В период глубокого снега лоси малоподвижны. Они почти до земли проваливаются в снег, и передвигаться им трудно. Путь этого зверя по снегу — это два

ряда глубоких ямок — следы самих ног и две глубокие борозды, соединяющие эти ямки. Издали кажется, будто кто-то на лыжах прошел. Борозды получаются потому, что зверь волочит ноги — не может при каждом шаге поднимать их выше уровня снега. Потому-то, когда снега заглубеют, лоси облюбовывают защищенный от ветра участок леса, где кормов побольше, и держатся там по 5—10 особей вместе до тех пор, пока есть чем кормиться. Больших стад лоси не образуют. В таком месте звери набивают в снегу целую сеть тропинок-туннелей, по которым передвигаются от куста к кусту. Это и называется стойбищем, или «лосиным двором».

Блуждая в поисках корма, голодный шатун вышел к такому лосиному двору. На опушке леса в зарослях была его лежка. Отсюда он наблюдал за лосями и дожидался, не подойдут ли они поближе. Затем медведь решил к ним подкрадываться сам — на лосиной тропе хорошо были видны отпечатки его широких когтистых лап. Но лоси вовремя учуяли врага и бросились врассыпную. Сгоряча голодный зверь кинулся за ними... Да куда там! В первой же низинке, куда надуло снегу, он провалился по самые уши, и, пока выбирался из сугроба, длинноногие звери уже скрылись в зарослях. Однако хищник не бросил охоту, решив взять лосей измором. За крупным быком шатун не пошел — знал, что не справиться ему с мощным зверем. Известны случаи, когда лоси-быки не только наносили раны, но и убивали нападавших на них медведей. Хищник выбрал след лосихи с подростком и двинул за ними.

Судя по следам, лоси сперва не знали о погоне. Испуганные медведем, они пробежали всего с полкилометра, затем успокоились, перешли на шаг, а потом вообще остановились и начали кормиться. Зимние корма лосей — побег ивняков, веточки молодых березок да осиновая кора — не очень-то калорийные. Чтобы покрыть затраты энергии на передвижение по снегу и на согревание тела в морозные ночи, лосю надо перемолоть массу хвороста, а на это надо много времени. За кормежкой и застал лосей медведь. Началась погоня.

Лоси шли шагом, когда не видели медведя и переходили на прыжки, когда хищник приближался к ним. Однако кормиться они не могли: только останавливаются

где-нибудь у кустов — медведь их нагоняет, надо опять бежать и бежать. Они бежали то по вырубкам, то перелесками, часто по большой дуге поворачивали в обратную сторону, делали петли, выходили на свои же следы, но шагун не отставал от них. Сколько времени продолжалась эта гонка — не знаю, может, день, может, больше. Голодные лоси совсем ослабели: было хорошо заметно, что они с трудом передвигают ноги. Наверное, плохо бы кончилось для них это преследование, да вот повезло — вышли на делянку к трактору и тут остановились. Медведь учуял теплый, пышущий маслом и горячим трактор метров за сто и ближе подойти не решился.

Всю эту историю мне удалось прочитать по следам, но только не так, как я описал здесь, а с конца.

Н. РУКОВСКИЙ

БАБОЧКА-ПОДСНЕЖНИК

По календарю март — первенец весны. Месяц бесконечных чудес и открытий в царстве живой природы. Куда ни ступай — всюду радуется что-нибудь загадочное, интересное, новое. Да вот, разве не диво дивное? Вокруг еще голубеет снег, по утрам бьют морозы до десяти-пятнадцати градусов, а в солнечный полдень на лесной поляне такая теплынь, хоть рубашку сбрасывая.

Усевшись на вытаявшую из сугроба деревину, чутко ухом и глазом улавливаю

каждый штришок в жизни предвесеннего леса. Мягким укусно-смолистым душком пахнет отпотевшая на солнцепеке сосновая хвоя. В прореди белокорых берез все шире чернеют первые проталины, и, как бы обрадованный их появлением, вдохновенно выбивает барабанную дробь работяга-дятел.

Несколько минут настороженного внимания — и внезапно на снегу метнулась чья-то легкая тень. Оглянулся. Что за волшебство? Сделав несколько зигзагообразных бросков над поляной, рядом со мной опускается на теплую колодину белая, с лимонным отливом бабочка.

— Лимонница! — срывается с губ изумленный шепот. — Откуда?..

В самом деле, встретить столь хрупкое, прямо-таки воздушное созданище в заснеженных чащобах мартовского леса было чем-то сказочным, невероятным. Известно, что в многоликом племени самых нарядных существ на Земле — бабочек лимонница относится к роду крушинниц. Она — подлинное дитя леса, но обитает только в тех местах, где растет крушина. Почему? Догадаться нетрудно. С весны до осени ломкий, запашистый крушинник — ее стол и дом. Гостеприимно добрый, растущий в тени леса кустарник заботливо выкармливает гусениц лимонницы и надежно укрывает их в своей пышной листве.

Эти бабочки любят прохладу. По душе им приятная влажность утренних рос, полуденных ливней, по нраву медвяные запахи леса, его покой и тишина. А когда

наступает осень, лимонница ищет укрытие под опавшей листвой, в тесных пустотах под корнями деревьев и погружается в непробудный сон до весны.

И вот нигде еще в снежных сугробах не слышно ни малейшего ручейка, не видно ни единой зеленой травинки, а вокруг меня уже реветится, перепархивает чудом ожившая лимонница. Сядет на соседнюю ветку, сложит крылышки, и я вижу солнечно-белый парус. Опустится по соседству на отрухлевшую деревину и тут же распахнется нежным цветком лимонного колера.

Диво-бабочка! В ее жизни еще немало удивительных загадок, но сейчас меня поражала только одна. Как? Каким путем на протяжении всей зимы где-то в подземной ухоронке ей удавалось сохранить изящество своего наряда? Тонюсенькие буроватые усики, черное, будто из антрацита выточенное брюшко, отливающие золотистой желтизной крылышки, и на каждом из них по два рябиново-красных пятнышка.

Редки, очень редки стали лимонницы в наших лесах. Причины их исчезновения — это прежде всего бесхозяйственная вырубка старых урочищ с уничтожением зарослей крушины и применение ядохимикатов в борьбе против вредителей леса.

Бабочка-подснежник! Одно из уникальных творений живой природы. И если исчезнет лимонница с лица планеты, то в этом будет повинен только человек.

П. СТЕФАРОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

С. Кучеренко. Завсегдадай полярных пляжей . . .	1
Клуб Почемучек	8
Б. Сергеев. В сладком плену	14
Владимир МИРНЕВ. Под крылышком дикого гуся. Повесть	21
В. Иваницкий. Городская ласточка	26
Оказывается	30
М. Муромцева. Труженица-остроушка	32
Вести с опушки	38
М. Мазуренко. Равенала — веер Мадагаскара	40
Записки натуралиста	42

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — снегирь (фото Г. Смирнова); на второй — морж; на третьей — махаон; на четвертой — древесница.

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National geographic» и «National wild-life».

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор **Б. А. ЧАЩАРИН**
 Заместитель главного редактора
Л. В. САМСОНОВА
 Ответственный секретарь **М. Н. ОСЕННОВА**
 Художественный редактор **Н. Н. ОРЕХОВ**

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 28.11.96. Подписано в печать 26.12.96. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отг. 16,9. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 34350 Заказ 3393 Цена свободная. Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати 142300 г. Чехов Московской области тел. (272) 71-336 факс (272) 62-536 Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации (№ 01602). Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юный натуралист».

«Юный натуралист», 1997, 1—48

Телефон 285-89-67

Индекс 71121
71380
(годовая подписка)

Щедро одарила природа древесниц-червеедок, наделив их оперением ярким и разным. Оранжевые и черные, синие и желтые, белые и красные, темно-бурые и серовато-рыжие — каких только древесниц не встретишь от Аляски и Северной Канады до южных пределов Южной Америки!

Древесницам средних широт присущ половой диморфизм: ярко окрашены здесь только самцы. Гнездятся эти птицы на земле, кустах и деревьях. У тропических видов древесниц половой диморфизм отсутствует: ярко окрашены здесь не только самцы, но и самки. Эти птицы, избегая деревьев, живут на земле и по обрывам. Большинство древесниц насекомоядны.

Отмечены случаи, когда древесницы, преодолев Берингов пролив, залетали на Чукотский полуостров. Не раз встречали там пепельно-серую птичку с темными пестринами, желтым горлом и зобом. То была миртовая древесница.

